

ПИОНЕР

1947

Учитесь у Ленина!

Ал. Дорохов

Вы, ребята, пионеры. Вы часто говорите:
— Мы юные ленинцы!

Что значит быть ленинцем?

Это значит — стремиться во всём быть похожим на Ленина. Всегда следовать его примеру. Стараться жить и работать так, как жил и работал он.

ЛЕНИН считал, что человек должен учиться всю свою жизнь, чтоб быть всё умнее и умнее. И он не отступал от этого правила.

Когда Ленин был ещё школьником, других отметок, кроме пятёрок, у него не было. Но и этого ему было мало.

Если в школе задавали домашнее сочинение, Ленин не довольствовался тем, что было в учебниках и что рассказывал на уроке учитель: он брал в библиотеке все книги, из которых можно было бы узнать ещё что-нибудь на эту тему. Затем он брал листочки бумаги и графил их пополам. На одной половине листочка он писал черновик сочинения, а на другой — записывал дополнения, пояснения и ссылки на прочитанные им книги. По этим листочкам он писал сочинение, и оно всегда бывало самым лучшим в классе.

Но Ленин не только сам отлично учился: он помогал учиться и своим товарищам; он нарочно приходил в школу на полчаса раньше, чтобы объяснить товарищам, как решается трудная задача, помочь сделать сложный перевод или рассказать то, чего нет в учебнике.

Когда Ленину было шестнадцать лет, он за два года помог одному взрослому человеку подготовиться к экзаменам за среднюю школу.

За участие в революционной демонстрации студентов царское правительство исключило Ленина из университета. Правительство хотело закрыть семнадцатилетнему Ленину дорогу к знанию.

В. И. Ленин выступает на Красной площади в мае 1919 года.

Но Ленин не упал духом. Он устроил себе университет дома. Его семья жила тогда в деревне Кокушкино, в сорока километрах от Казани. В густой липовой аллее, недалеко от дома, Ленин оборудовал себе скамейку и стол. Каждое утро, после чая, он забирает тетради и книги и шёл заниматься. Он прилежно учился до самого обеда, а после обеда, не теряя ни минуты, уходил заниматься снова. Никто за ним не следил, никто его не подгонял, но он учился так же усердно, как если бы был в университете.

За два года Ленин прошёл то, что студенты проходят за четыре, и сдал государственные экзамены.

Прошло много лет. Ленину было уже сорок восемь лет. Он был главой советского правительства. И в это время враги народа совершили на него покушение. Они хотели убить Ленина. Он был ранен отравленной пулей и потерял способность двигать правой рукой.

И тогда Ленин стал учиться писать левой рукой.

Ленин прилежно учился всю свою жизнь. Так же старательно должен учиться и ты, если хочешь быть похожим на него.

ЛЕНИН считал, что каждый человек должен работать. Никто не работал так много, как он.

Когда Ленин был председателем Совета народных комиссаров, он ежедневно приходил в свой рабочий кабинет ровно в половине десятого утра, не опаздывая ни на минуту. Он трудился без отдыха до самого обеда. В четыре часа он уходил обедать, а с половины шестого снова работал до поздней ночи, а иногда и до утра.

Ленин не боялся никакого труда.

1 мая 1920 года по всей нашей стране был проведён всероссийский субботник. В этот праздничный день рабочие и служащие добровольно вышли на работу, чтобы привести в порядок фабрики, заводы и города, пострадавшие за годы гражданской войны.

Курсанты Кремлёвской школы построились утром во дворе Кремля.

За минуту до начала работы на двор вышел Ленин. Вместе с курсантами он стал сносить в одно место разбросанные по двору брёвна.

Ленин работал в паре с молодым курсантом. Тот, видя, что Ленину трудно поднимать большие брёвна, старался брать тяжёлый конец бревна на себя. Ленин это заметил и стал брать-ся за бревно первым.

— Владимир Ильич,— сказал курсант,— вы же старше меня. Мне двадцать восемь лет, а вам пятьдесят.

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше,— улыбнувшись, ответил Ленин и продолжал брать брёвна за тяжёлый конец.

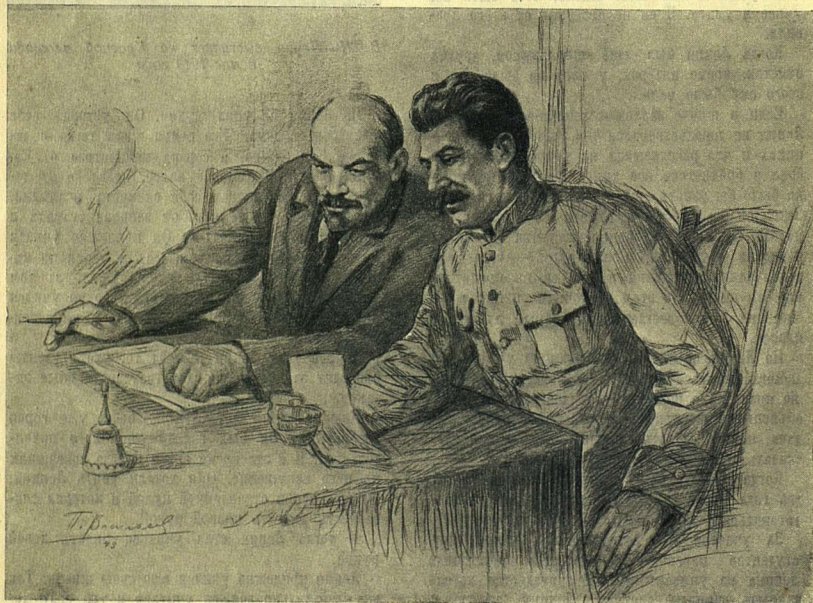
Видя это, старый рабочий обратился к Ленину:

— Владимир Ильич, мы бы и без вас управились. У вас есть дела поважней.

— Сейчас это дело — самое важное,— серьёзно ответил Ленин.

Даже во время отдыха Ленин находил для себя занятие. Однажды Центральный Комитет партии, видя, что он переутомлён, отправил его на несколько дней отдохнуть под Москву.

В тот день, когда Ленин приехал отдыхать, был большой снегопад. Но на следующее утро рабочие, жившие рядом с домиком, в котором поселился Ленин, выйдя на работу, увидели, что все

В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Рис. П. Васильева

дорожки около их квартир расчищены от снега и разметены.

Это сделал Ленин. Поздно вечером он взял у дворника лопату и метлу и занялся расчисткой снега. Он не мог жить без дела.

Если ты хочешь быть похожим на Ленина, не бойся никакого труда. Умей всегда найти себе полезное дело. Учись работать так, как работал Ленин.

ЛЕНИН глубоко уважал советские законы. Он считал, что ни один человек не имеет права нарушать правила, установленные для всех.

Однажды ему понадобились для работы редкие книги, которые имелись только в библиотеке Румянцевского музея. Как председатель Совета народных комиссаров, Ленин мог приказать прислать себе любые книги. Но он слышал, что справочники на дом не выдаются, и не хотел нарушать закона. Он написал директору библиотеки записку:

«Если, по правилам, справочные издания не выдаются на дом, то нельзя ли получить на

вечер, на ночь, когда библиотека закрыта? Верну к утру».

Ему, конечно, прислали нужные книги с письмом, что он может задержать их столько, сколько ему нужно. Но Ленин просидел над книгами всю ночь, а утром, к открытию читального зала, все справочники были снова на своих местах.

Был и такой случай. Около коридора, который вёл к квартире Ленина в Кремле, постоянно стоял часовой, проверявший, имеет ли проходящий пропуск.

Как-то раз Ленин не взял с собой пропуска. Как на грех, в этот день на посту стоял молодой курсант, который ещё не знал Ленина в лицо и отказался пропустить его без пропуска.

Ленин показал на дверь своей квартиры и сказал:

— Да вот же моя дверь.

— Никак не могу, товарищ, — ответил курсант. — Есть строгое распоряжение от коменданта: без пропуска никого не пускать.

Ленин молча спустился в комендатуру и попросил выписать себе разовый пропуск. После дежурства курсант доложил об этом случае начальнику и, узнав, кого он не пропустил, при-

То, что вы видите здесь, на рисунке художника Д. Шмарнинова, происходило в июне 1917 года на первом Всероссийском съезде Советов. Меншевик Церетели заявил, что необходим союз с буржуазией, что в России нет партии, которая одна согласилась бы взять власть целиком. Тогда в зале раздался твёрдый, уверенный голос: «Есть такая партия!» Это был голос Ленина. Владимир Ильич говорил о партии большевиков.

шёл к Ленину извиняться. Но Владимир Ильич сказал ему:

— Виноваты не вы, а я. Если есть закон, все должны его соблюдать. А я, как председатель Совнаркома, — в первую очередь.

С таким уважением относился Ленин к любому советскому закону. Всегда и во всём он был образцом дисциплины. И если ты хочешь быть похожим на него, будь дисциплинированным и в крупном и в мелочах.

ЛЕНИН всегда заботился о своих товарищах. Как бы ни был он занят, он находил время подумать о том, чтобы помочь товарищу.

В Музее Ленина в Москве хранятся все рукописи Владимира Ильича. Среди них множество записочек, написанных на клочках бумаги его прямым и решительным почерком. Это те записки, которые Ленин посылал товарищам во время заседаний.

То он вспомнит, что кто-нибудь болен, и велит послать к нему врача. То спросит, дали ли товарищу удобную квартиру. То напомним, что кого-то надо отправить в отпуск, а то он плохо выглядит. А после Ленин никогда не забывал проверить, сделано ли то, о чём он просил, и сам справлялся об этом по телефону.

Ленин заботился даже о тех людях, которых не знал. Как-то он ехал на автомобиле в Барвиху. Это — красивое место под Москвой, и Ленин любил ездить туда, чтобы отдохнуть и подышать свежим воздухом в лесу на берегу реки.

По пути встретился маленький деревянный мостик. Шофёр осторожно провёл через него большую машину Ленина, но настил всё же пострадал.

Тогда Ленин велел остановиться.

— Сперва починим мостик, а затем поедem дальше, — сказал он. — Завтра крестьяне поедут в поле, а сломанный мост их задержит.

И он не двинулся в путь, пока мостик не был исправлен.

Так Ленин заботился о людях. И если ты хочешь быть похожим на Ленина, всегда помогай товарищам, заботься о них, будь верным и хорошим другом.

ЛЕНИН был всегда смел и не боялся опасности. Никто не видел его испуганным.

Ещё когда Ленин был маленьким мальчком,

любимым его занятием было забраться на высокую ледяную гору, откуда его сверстники скатывались на салазках, и пуститься вниз, стоя на коныхках. Чем выше и круче была гора, тем охотнее он с неё катался.

Когда Ленин стал революционером, царские жандармы охотились за ним, угрожая ему тюрьмой и ссылкой и напоминая об участи его старшего брата, который был повешен за участие в заговоре против царя.

Но Ленин только смеялся над попытками его запугать. Даже в тюрьме и ссылке Ленин продолжал тайно руководить революционными кружками.

Накануне Октябрьской революции буржуазное Временное правительство объявило Ленина вне закона и назначило награду за его голову. Каждый мог убить его безнаказанно.

Но Ленин всё же приехал в Петроград, обманув сыщиков, карауливших его на всех вокзалах, и стал во главе восстания.

Мне довелось быть на докладе, который Ленин делал для представителей трудящихся всех стран. Это было в первые годы советской власти, когда в нашей стране было ещё много неразоблачённых врагов народа. Эти враги убили Володарского, убили Урицкого, пытались убить Сталина и Ленина.

Ленин стоял на трибуне и делал доклад. Вдруг раздался оглушительный взрыв. Многие делегаты вскочили с мест, думая, что это — новое покушение на Ленина. Но Владимир Ильич даже не вздрогнул, не остановился ни на мгновение. Тем же спокойным голосом, чуть улыбаясь, он продолжал свою речь.

В перерыве выяснилось, что это был не взрыв: просто фотограф уронил свой аппарат на осветительный прибор, и электрические лампы лопнули со страшным грохотом. Но все, кто наблюдал тогда за Лениным, доняли, что этого человека нельзя испугать.

И если ты хочешь быть похожим на Ленина, приучай себя не бояться опасности, смело идти ей навстречу и мужественно её встречать.

* * *

Лучший ученик, друг и соратник Ленина товарищ Сталин писал о своём учителе и друге:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя. Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних, — по Ильичу. Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру — по Ильичу. Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое, — в этом один из важных заветов Ильича».

Емилиан БУКОВ
Рис. В. Таубера

Перевод с молдавского
Владимира Державина

Молдавский поэт Емилиан Букв написал чудесную поэму о храбром пастухе Андриеше. В основе её лежат молдавские народные сказки. В поэме рассказывается о том, как колдун Чёрный Вихрь похитил стадо Андриеша вместе с его любимой овечкой Миорой, обладающей даром речи, и верным сторожем стада псом Лупаром.

В глубоком горе отправляется Андриеш на поиски стада. Всюду встречает он обездоленных, страдающих по вине Чёрного Вихря. И всем им он помогает: возвращает зрение простодушному великану, которого ослепил колдун Капкаун — брат Чёрного Вихря, убивает страшного колдуна, освобождает его пленников, возвращает к жизни прекрасную Дону — фею весны, помогает богатырю Фет Фрумосу убить дракона, истребляющего народ.

Труден и опасен путь Андриеша. Всюду его подстерегают враги. Но всюду у него находятся и друзья. Наступает зима. Андриеш встречается с дедом Морозом. Дальнейшие приключения его изложены в напечатанной здесь главе.

О горячей любви к родине, о самоотверженности, о бесстрашии говорит эта поэма. Образ солнечной Молдавии с её виноградными долинами, зелёными пастбищами, дымно-голубыми холмами живо и красочно возникает в ней.

Емилиан Букв, один из лучших поэтов Советской Молдавии, достоин высокого народного доверия: он депутат Верховного Совета СССР.

Стужа. Снег. Холодный ветер
На ветвях нагих играет,
Как на гусях. Улетели
Птицы в тёплые края,
И теперь картавый ворон,
Как хозяин полновластный,
Кружится в пустынном небе,
Каркает в седом лесу.

Андриеш идёт вприпрыжку,
Нос и уши потирает.
Шутки коротки с Морозом.
Вот и сам он — дед Мороз —
По полю идёт навстречу,
Пола снежные раскинул.
В бороде блестят сосульки,
Пышет жаром красный нос.

Под сугробом шапки круглой
Синие глаза смеются.
Хорошо ему, привольно,
И свистит он и поёт:

«На ленивца
Дохну —
Заморожу,
Так на месте и оледеню!

А проворных
По лёгкой
Пороше
Ветерком подбодрю, подгоню!

Не люблю я
Ни грязи,
Ни пыли,
Над полями

Полами взмахну,
Чтоб весёлые
Вьюги
Завыли,
Чтобы zemля скорее укрыли
В снеговую
Мою пелену!

Густо инеем лес отуманю,
Серебром
Уберу
Поутру.

Подойди!
Я тебя нарумяню,
Рукавицами щёки
Натру!

Андрюш, повеселевший,
Поспешил ему навстречу,
Шапку снял, поклон отвесил:
«Здравствуй, добрый дед Мороз!

Дедушка! Ты помоги мне
Отыскать моих овечек.
Сбился я — ведь все дороги
Белым снегом ты занёс...»

«Знаю, Андрюш, всё знаю.
Слышал о тебе я, слышал!
Но кто бодр, силен, отважен,
Тот всегда найдёт свой путь.

Дам тебе я две задачи.
Если справишься ты с ними,
Помогу. А нет — придётся
Прочь ни с чем тебе уйти.

Первая задача: снегом
Тело докрасна натри,
Да чтоб ни одной слезинки
Не заметил я, смотри!

А потом вон в ту долину,
Что синее далеко,
Сбегай, как ветра летают,
Так же быстро и легко».

Андрюш одежду сбросил,
Начал снегом растираться.
О, как больно хлещет ветер!
Стиснула зубы Андрюш,
Лишь бы только не заплакать!..
Удержал с трудом он слёзы.
Но уже его всё тело
Покраснело.. Как тепло!
Как легко и сколько силы
Появилось вдруг!.. А как же
Быстро сбежать в ту долину?

Он две длинные дощечки
Привязал к своим ногам,
В руки взял две крепких палки
Оттолкнулся и по насту,
Словно птица, полетел.

В свой косматый ус два раза
Не успел подуть Мороз,
Как уж пастушок вернулся,

Разрумяненный, весёлый,
Снегом весь посеребрённый.

«Вижу, ты не робкий мальчик, —
Дед Мороз ему сказал, —
Не мерзляк и не леивец!
Понимаешь ты, в чём сила, —
Значит путь тебе вперёд.
Лезь ко мне в мешок заплечный,
Будешь гостем у меня».

Андрюш влез в торбу деду,
В ту глубокую дырагу¹.
Полами косматой шубы
Дед взмахнул и полетел.
А за ним клубящиеся вихри,
Снеговые ураганы.

Час, другой они летели.
Опустились наконец
На хребте горы высокой.
В ней глубокий грот синее.

Влагуь и в стороны уводят
Коридоры ледяные.
Белые снуют в них люди,
Слуги дедушки Мороза.

В глубине горы высокой
Есть просторная пещера.
Ледяной её прозрачный
Купол держится на толстых
Ослепительных сосульках.

Дети белые в пещере
Лепят снежные игрушки.
На игрушки дед дохнул —
Ожили они. И молвил,
Улыбаясь, дед Мороз:
«Мы волшебные подарки
Для детей хороших лепим.
Скоро Новый год и ёлка.
Всем в тот день на свете детям
Я игрушки подарю».

А теперь пойдём, мой милый
Андрюш. Сейчас примчатся
Сныовья мои — лихие
Командиры бурь, ветров,
Ветерков и диуновений..
Старший сын мой — сильный Кривец..
Снеговые ураганы
Он на zemлю посылает.

Сын второй мой — Балтарец, —
Балты — заводи речные —
Покрывает льдом хрустальным,

Третий сын мой — Салтарец.
Он искуснейший художник.
Знаменитый рисовальщик.
Это он на стёклах окон
Пишет белые узоры,
Кружева плетёт из снега.

¹ Дырага — сумка.

Сын мой младший — Войошёл,
Друг ребят весёлых, резвых,
Лыжников и конькобежцев,
Не боящихся мороза.
Сыновья мои так братья,
Что в полёте их не видно,
Только слышен свист их крыльев».

* * *

В этот миг раздался шум.
Опустился ветер Кривец,
Богатырь широкоплечий.

Брови сдвинуты сурово,
Что ни выдох, — то метель,
Голос — буря снеговая.

Балтарёц за ним примчался
В ледяных зеркальных латах.
В голосе его весёлый
Смех резвящихся ребят,
Бегающих по льду речки.

Салтарёц вослед явился.
Пальцы у него, как кисти,
Длинные и заострены,
Голос у него отрывист,
Словно стук ветвей в окно...

Прилетел и Войошел.
Он вошёл и улыбнулся —
Сильный, вечно молодой,
Закалённый в перелётах...

На хребте горы стояли
В стройных боевых рядах
Все бураны, вьюги, вихри,
Все ветра и ветерки,
Ожидая приказанья —
Заметать ли снегом землю,
Льдом ли сковывать потоки
Иль играть с детьми в снежки.

«Добрый путь тебе, мой славный
Андрюш! — сказал Мороз. —
Войошел тебя проводит
И в беде тебе поможет.
Только ты всегда люби
Зиму, снег и свежий ветер!»

Ветры за полы одежды
Подхватили Андрюша,
Подняли и понесли.
Войошел летел с ним рядом —
Друг отважного полёта,
Спутник молодой мечты.

Позади давно остались
Оснеженные поля.
Поднимались за лесами
Дымно-чёрные холмы.

Войошел сказал: «Отсюда
Недалёко — за живою
Вечно стонущей горой —
Чёрная лежит долина,
Где живёт он — Чёрный Вихрь.
Я летал над той долиной,

Но спускаться опасался.
Много витязей отважных
В эту землю приходило.
Чёрный Вихрь всех превратил их
В скалы. И из этих скал
Выросла гора большая,
Стонущая днём и ночью.

Вот и лес непроходимый,
Закрывающий долину.
Здесь тебя опустим наземь,
Мне ж пора лететь домой,
Лес по краю обойди ты,
В чаще только не ходи.

В чаще бродит Стрымба-Лёмне,
Великан железорукий,
Скручивающий деревья.
Чёрный Вихрь в трущобе тёмной
Сторожем его поставил.

А очутишься в беде,
На восток подуи два раза —
Прилечу тебе на помощь,
Но не унывай в несчастье.
Не забудь, что только смелый
Одолеет все преграды».

Войошел исчез в лазури.

* * *

И пошёл лесной опушкой
Одиноким Андрюш.
Вдруг из тёмной чащи леса
Выпорхнула, щелбеча,
Ласточка... Весной запахло.
И за ласточкою вослед,
Обо всем забыв на свете,
Андрюш погнался в лес.

Там, в глубокой, тёмной чаще,
Под корявым старым дубом,
Великан стоял косматый,
Он столетние деревья
Гнул железными руками,
Ветки скручивал в канаты.

«Кто ты?» — зарычал сичач.
Пастушок ему ответил:
«Я бесстрашный Андриеш!»
«Ха! А я железнорукий
Сторож леса Стрымба-Лемне.
В узел я тебя скручу!»

Андриеш ему ответил:
«Не кричи! Я не пугаивый!
Говори: как будем биться?»
Засмеялся Стрымба-Лемне:
«Ну, давай на кулаки!»
И уже над Андриешем
Поднялся кулак железный,
Вдвое больше человека.
Быстро бросил Андриеш
Вверх осколок острой стали.
В тот же миг, свистя, примчался
Фет-фрумсов буздуган¹,
Великана в грудь ударил.
Застонал — и полумёртвый
Пал на землю Стрымба-Лемне.
«Эй! Вставай ты, Стрымба-Лемне!
Я ещё разок ударю!»
И взмолился великан:

«Пощади меня! Не трогай!
Буду я твоим слугою,
Если ты такой силач!
Видно, за гору идёшь ты
С Вихрем Чёрным воевать?»

Про моё большое горе
Расскажу тебе. Живу я
Одиноким сиротой.
Мать моя, как умирала,
Накрепко мне наказала,
Чтобы я берёг сестричку —
Маленькую Флоричику.

Чёрный Вихрь её увидел,
Захотел её похитить,
Чтоб она ему служила,
Бороду ему чесала.

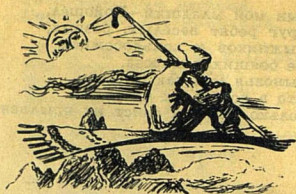
Он послал за Флоричикой
Сына — злого Вырколака,
Что луну зубами гложет.
Он похитил Флоричику,
На луну её унёс.

Я не знаю, что мне делать —
Сила есть, а нет ума!

Но разгневался на сына
Чёрный Вихрь, владыка здешний.
Потому что Вырколак
Маленькую Флоричику
Не хотел отдать ему.

Приволок он Вырколака
В этот лес и превратил
Сына в дерево глухое,
Затерявшееся в чаще.

А меня он тут поставил
Лес дремучий сторожить.

Я хожу, кручу деревья,
Может быть, мне попадётся
Это дерево, в котором
Вырколак сидит проклятый,
Ух, как я его скручу!

Храбрый Андриеш! За то, что
Ты меня в живых оставил,
Дам тебе ковёр волшебный!
Сядешь на ковёр волшебный —
Он по воздуху тебя
Унесёт, куда захочешь.

На ковре сестра летала,
Маленькая Флоричика.
Он меня не поднимает,
Не понадобится мне.

Андриеш ему ответил:
«Верно! Силы у тебя
С гору, а ума — на волос!
Ты не скручивай, не мучь
Неповинные деревья.

Думаю, что твой обидчик —
Чёрный Вихрь! Твоя сестричка
У него в плену томится.
Мне добраться до него бы —
Я сестру твою спасу!»

Взял пастух ковёр подмышку
И пошёл к горе высокой,
Что над лесом подымалась.
Наступила ночь, когда он
Вышел из лесу. У края
Пропасти глубокой сел он
Отдохнуть и подкрепиться
Перед сумрачной, угрюмой,
Глухо стонущей горой...

* * *

Долго Андриеш стоял
Перед пропастью и думал...
В пропасти смола кипела,
А в смоле купались гады.
Как же в Чёрную долину
Перебраться через пропасть?

И тогда ковёр волшебный
Развернулся сам собой
И сказал: «Я через пропасть
Вмиг тебя перенесу!»
На ковре пастух уселся
И по воздуху, как птица,
Перенёсся через пропасть.

¹ Богатырь Фет-Фрумсов подарил Андриешу осколок своей палицы — буздуган

Опустился на горе
Самолёт-ковёр и молвил:

«Дальше я лететь не волен!
Крылья никнут, ветры вянут
Над проклятою долиной».
Андрюш пошёл по склону.
Диво! Под его ногами,
Как живые, стонут скалы:

«Пастушок! Ступай потише!
Как нам больно! Как нам больно!
Были мы богатырями,
Мы пришли сюда — хотели
Вихря Чёрного убить.
Чёрный Вихрь заколдовал нас».

Жалко было Андрюшу
Витязей окаменелых.
Он ничем не мог помочь им!
Вниз пошёл он и увидел
У подножия горы
Хмурую большую реку.

За рекою далеко
Чуть виднелся чёрный берег.
Тут он вспомнил Войшела, —
Дунул дважды на вослок.
Вяло шевеля крылами,

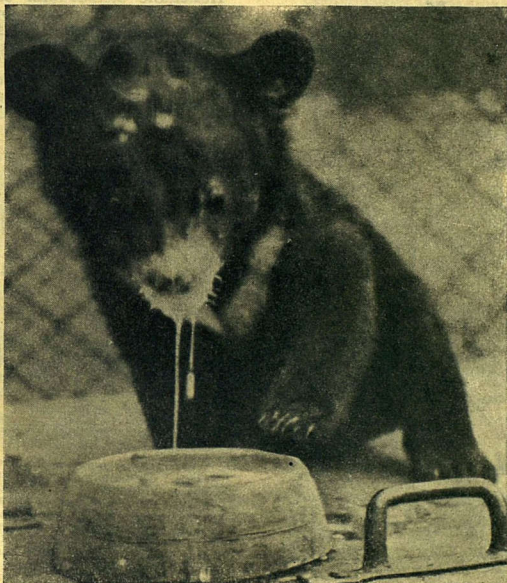
Опустился Войшел
И промолвил задыхаясь:

«Этот воздух заколдован,
Крылья здесь меня не держат,
Я тебя, пастух, не властен
За реку перенести.
Брата кликну я на помощь!»
И мгновенно появился
Ветер Балтарец и гладить
Стал ладонью по волнам.

Волны улеглись, застыли,
Льдом сверкающим покрылись.
Быстро по льду пробежал
Андрюш на дальний берег,
Где долина простиралась
С почернелыми цветами,
С обгорелою травой.
Под ногой шипели змеи,
Из-за кочек угрожали
Клювы коршунов бескрылых.

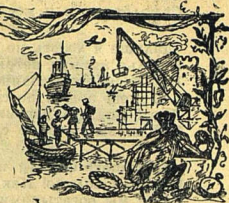
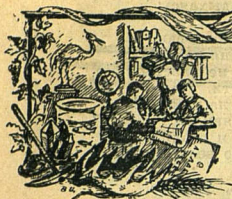
Жутко стало Андрюшу.
Но едва сыграл он песню,
В высоте промчалась Дона
И долину осветила.
Пред собой пастух увидел
Одинокую дорогу
И вперёд по ней пошёл.

(Окончание в следующем номере)

Как вкусно!

Огни на Днепре

С Финн

Фото А. Шевича

С огромным вниманием следит сейчас наша страна за вторым рождением Днепротрэса. Давайте, ребята, совершим туда путешествие. Посмотрим, что происходило совсем недавно на этой замечательной стройке. Многие из того, что удалось сфотографировать тов. Шевичу, можно было увидеть только осенью, в разгар строительных работ.

Днепротрэс — любимец всего Советского Союза. Ещё в годы первой сталинской пятилетки в ступе топоров и кайл ожила запорожская степь и среди буйных днепровских вод показалась бетонная громада плотины. Много сил, технического таланта, умного и тонкого расчёта потребовала борьба с Днепром. Строптивая река бешено сопротивлялась, она не раз пыталась снести искусственные преграды на своём пути... Победила воля человека. Со-

ветские труженики обуздали стихию воды, превратили её, по словам Горького, в «разумную, могучую и плодотворную силу». В 1932 году, в день торжественного пуска станции, днепротрэсовцы с гордостью доложили народу: «Ток дан. Днепр работает на социализм».

Это было не только грандиозное по своим размерам гидротехническое сооружение, равных которому не знала Европа, оно было и очень красивым. Массивная, дугообразная плотина, вобравшая в себя около двух миллионов тонн бетона, железа и стали, казалась лёгкой и изящной. А самое важное: Днепровская гидроэлектростанция имени Ленина давала стране ежегодно около двух с половиной миллиардов киловатт-часов. Это больше, чем выработала вся царская Россия в 1913 году!

Немецкие захватчики обрушили на Днепротрэс шестьсот тонн взрывчатых веществ. Плотина, порт, машинное здание, турбины и генераторы — почти всё было разбито, искоренено, смято.

Сейчас Днепротрэс уже поднимается из руин. Его яркие огни скоро снова озарят степи Ук-райны.

Сельское хозяйство

Криворожские рудники

Ж. д. транспорт
(электрификация
тяги)

Электричество в быту

1. Ново-Московский

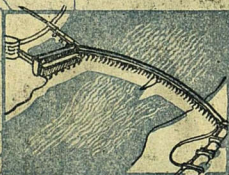
2. Днепродзержинск

3. Днепропетровск

ДНЕПРОТРЕС

Водный транспорт

Никопольские рудники

Донбассе уголь и машиностроение

Запорож. машиностроительный комбинат

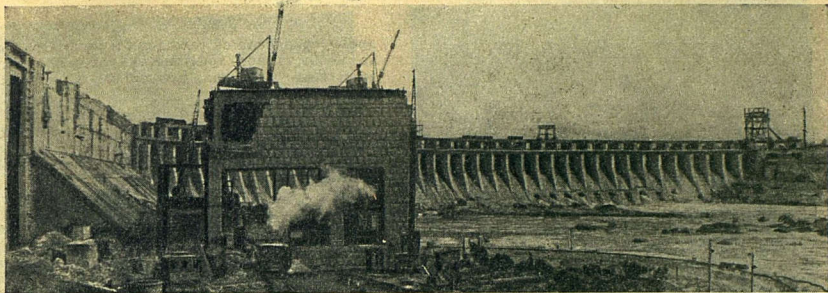
Запорож. металлургический комбинат

Алюминий Ферросплав Сталь

Запорож

Алюминий Ферросплав Сталь

Угольные шахты Донбасса и железные рудники Криворожья, металлургические заводы Днепропетровска и Запорожья и ещё многие другие предприятия в конце первой сталинской пятилетки получают энергию, рождённую в девяти генераторах Днепровской станции. И этой энергии будет больше, чем до войны. Мощность Днепротрэса увеличится на 90 с лишним тысяч киловатт. С помощью электричества днепровские колхозники будут орошать засушливые земли, молотить хлеб, доить коров.

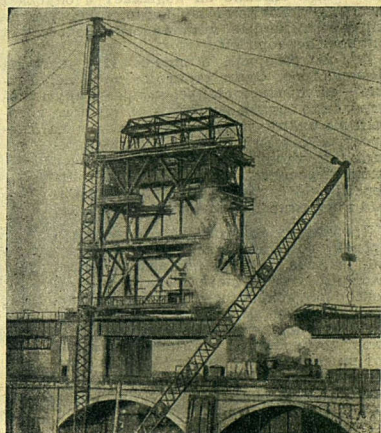
Представь, что ты стоишь на правом берегу реки. Вот она, панорама великой стройки. Вдали — бетонная плотина, возмужатая, как гигантский гребень, в воды Днепра. Налево — щитовая стена. Здесь проложены трубы, по которым днепровская вода вскоре потечёт к турбинам. На снимке не видно людей, но на самом деле их много, они и под водой — в скафандрах водолазов — и на самом верху, где высится башня порталного крана, они и внутри плотины — в потерне.

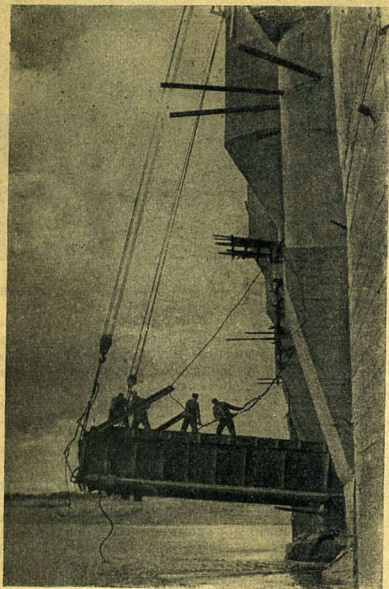
димостью отпала. В потерне снова тихо и пустынно.

Выше всего на плотине находится порталный кран. Эта махина весит 320 тонн. На снимке ты его видишь в момент монтажа. Но теперь кран уже действует: он переносит по воздуху огромные щиты, помогает устанавливать их в пролёты между бычками. Для чего нужны эти щиты? Вот для чего. Плотина как бы делится на две части: нижнюю — глухую стену и «гребёнку», через которую пропускаются излишки воды. Между зубьями гребёнки — бычками — высятся щиты. По воде человека они могут опускаться и подниматься. Когда все щиты опущены, уровень воды в верхнем течении реки поднимается, создаются огромные запасы «белого угля». А весной, в паводок, когда воды сколько угодно, все щиты поднимаются и Днепр свободно низвергается с плотины, как с крутого уступа. И порталный кран — тут главное действующее

Что означает это странное слово? Потерна — это сквозной тоннель в толще плотины. Это как бы сторожевой пост. Отсюда, изнутри плотины, можно наблюдать за поведением бетона: он ведь выдерживает на себе натиск по меньшей мере 250 тысяч тонн воды — за ним надо следить. Временно, чтобы не мешать работам наверху плотины, потерну превратили в шоссе. Теперь эта необхо-

щеё лицо. Именно он подымает и опускает щиты, и делает это так легко, точно тут не пятидесятитонные металлические завесы, а спичечные коробки...

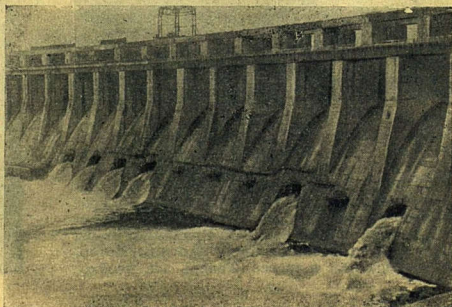
Вот мы говорили о щитах. Их много на Днепрострое. Одни стоят на плотине, другие — на щитовой стенке, они регулируют поступление воды к турбинам. А тот щит, который вы видите на снимке, появился на Днепрострое совсем недавно. Это хитроумный щит-хлопушка. Именно он помог днепростроевцам закрыть донные отверстия — сквозные галлеи, пробитые в плотине два года назад.

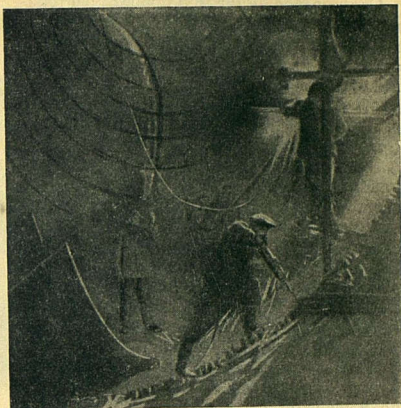
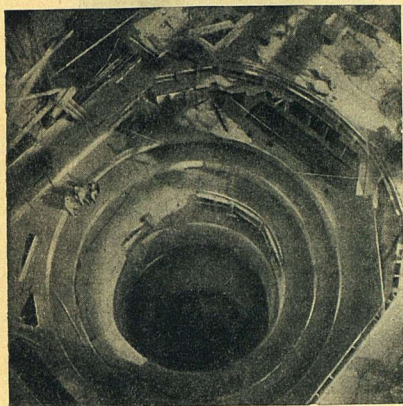
Пробили их для того, чтобы понизить уровень воды перед плотиной. Ведь после взрыва вода кинулась в брешь плотины. Она бушевала там, где ей вовсе не полагалось быть. Она мешала строителям, пришедшим восстанавливать плотину, убирать завалы, лечить потрясённый взрывом бетон. И вот в плотине пробурлили 16 донных отверстий. Сюда и ринулся Днепр, ринулся с неистовой силой. Представьте себе поток, который со скоростью курьерского поезда мчится по тоннелю. Миллионы таких поездов пронеслись сквозь бетонную громаду плотины, мелкая

дрожь сотрясала её тело день и ночь. Это было необычайное зрелище: клубящаяся, как дым, вода, ажурная, повисшая в воздухе пена...

Посмотри на нижний снимок — он сделан в октябре, когда часть донных отверстий ещё была открыта. А теперь они наглухо закрыты бетонной пробкой. Сделать это было очень трудно.

Сначала с плотины на тросах, плашмя — как и показано на верхнем снимке — опускали щит-хлопушку. Как только щит погрузился в воду, она давила на него с колоссальной силой, и щит как бы присасывался к отверстию. Перед Днепром захлопывали дверь, но он находил лазейки, рвался с бешеной силой. Эти лазейки надо было ловко и искусно закрыть. Сперва под воду опускали несколько тяжёлых труб, завернутых в паклю и войлок. Они закрывали собой дыру под щитом. Потом на линию огня выходили водолазы. Они забивали оставшиеся щели мешками с цементом, деревянными клиньями. Это была трудная, опасная работа. Случалось, что вода вырывалась из рук тяжёлые мешки, валила с ног человека в скаффандре. Преодолевая огромную усталость и напряжение, по много часов проводили на дне реки водолазы, помогая монтажникам, как говорили на стройке, «уплоднять щиты». После того, как сильная течь прекращалась, в донное отверстие спускались бетонщики. Им тоже приходилось нелегко. Днепр ещё буйствовала. Он проникал в еле приметные щели, бил по лицу и рукам людей тугими, колючими струями. Но это уже был последний натиск реки. Воду отводили по специальным стокам, ей, наконец, наглухо закрыли доступ в галлею. Метр за метром наращивался здесь бетон. В декабре, в морозные вепренные дни, бетонщики работали так быстро, что им становилось жарко, они сбрасывали ватники... Ожесточённая схватка со стихией кончилась победой днепростроевцев. Все донные отверстия были закрыты, заложены бетоном, и теперь пенистые потоки, мчавшиеся ещё недавно сквозь плотину, можно видеть лишь на снимках.

Сейчас мы пришли с тобой туда, где незримо для глаза человека энергия Днепра будет превращаться в электроэнергию. Здесь всё поражает своими размерами, точно ты попал в страну великанов. Вот, например, кратер турбины. Смотришь вниз — на глубине двадцати метров еле мерцает дно, глухо доносятся оттуда голоса рабочих. Попадаешь в спиральную камеру — здесь каждый стальной лист, который склёпывают монтажники, выше человеческого роста. А ведь таких листов 66! И не удивительно: спиральная камера — это гигантская труба, улиткой располагающаяся вокруг турбины. Именно отсюда, из камеры, вода поступает на лопасти рабочего колеса. Кетати, сейчас речь пойдёт о нём. На нижнем снимке показана только третья часть колеса. Оно такое большое, что его отдирают частями, а потом уже скрепляют болтами и налагоу стягивают бандажими.

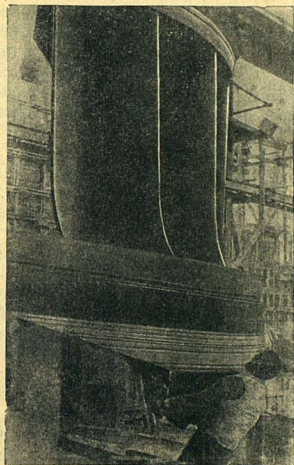
Между лопастями рабочего колеса турбины будет пробегать в сутки 17 миллионов кубометров воды. Она

и заставит вращаться колесо с бешеной скоростью (каждая точка нижнего банджажа колеса пробегает в час 80 километров). Одновременно с рабочим колесом придёт в движение и ротор генератора, где рождается электроток. Это самая громоздкая часть агрегата. Его вес... 520 тонн.

Монтаж деталей, частей, таких машин-великанов делается на Днепрострое с помощью сверхмощного подъёмного крана. Ты его не видишь, на нижнем снимке, но это он, добрый помощник человека, приподнимает многотонную часть рабочего колеса и бережно ставит её на бетонную тумбу.

Всё, что ты видишь на этих страницах, — вчерашний день стройки.

Уже давно ушли клепальщики из спиральной камеры, уже не пустует кратер, там теперь находится смонтированный агрегат. Близок час, когда воды Днепра приведут в движение рабочее колесо турбины, когда заводы и шахты Украины получат электрическую энергию, рождённую в машинном зале гидростанции.

Любимый писатель

Среди героев книг, созданных советскими писателями для детей, три фигуры хорошо знакомы нашим школьникам: одесские мальчики Петя и Гаврик, помогавшие рабочим-революционерам в 1905 году, и маленький приёмыш артиллерийского полка Ваня Солнцев, участник Отечественной войны.

Этих чудесных ребят дал в товарищи нашим пионерам писатель Валентин Катаев.

В январе этого года Валентину Петровичу Катаеву исполнилось пятьдесят лет. Он родился 28 января 1897 года, вырос в Одессе. Как многие писатели, он начал со стихов и в пятнадцать лет уже печатался в журналах. Юношей он участвовал в первой мировой войне, был ранен; в 1919 году вступил в ряды Красной Армии, командовал батареей. Школой политической была для него гражданская война, литературную учёбу он проходил в газете. Его фельетоны, подписанные именем Оливера Твиста или Митрофана Горчицы, печатались в «Гудке», «Груде», «Рабочей газете». Маяковский научил его не гнушаться этой «чёрной» работы литератора.

В горячую пору первых пятилеток жадный интерес к новому строительству увлёк Катаева в Магнитогорск, и результатом его работы там явился роман-хроника «Время — вперёд!»

Так шаг за шагом шёл писатель вместе со своей страной, в общем строю её работников, строителей и защитников.

Почти у каждого писателя бывает такая пора в творчестве, когда он мысленно возвращается к своему детству, ко всему тому, что питало и растило его, откуда началась его жизненная деятельность. Он написал повесть «Белеет парус одинокий», и это его лучшая книга, самое сильное и самое поэтичное его произведение. Родное Чёрное море, южное небо, южное солнце, пёстрая, шумливая, весёлая Одесса, и боевая Одесса пятого года, революционные матросы, легендарный броненосец «Потёмкин», одесские рабочие дружины, ужас погромов и радость первых революционных побед, детский восторг перед открывшимся вдруг видением нового, свободного и светлого мира — всё это вошло в книгу, ожило в ней с необыкновенной силой и ясностью.

Валентин Петрович Катаев.

В Катаеве счастливо сочетаются три качества, ценных в писателе: он живописец, когда изображает пейзаж, улицу, город (вспомним великолепное описание базара в повести «Белеет парус одинокий»); он умеет удивительно точно услышать и передать человеческую речь, богатую интонациями, характерную для каждого персонажа, блестящую юмором; и, наконец, он умеет хорошо построить своё произведение: просто, свободно, умно обдумать план, все его части, все детали.

В годы войны Катаев, как и многие его товарищи по литературе, всё своё писательское мастерство отдал обороне Родины, борьбе с фашизмом. Он был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды». В 1945 году, в последний год войны, он написал повесть «Сын полка», удостоенную Сталинской премии.

Юбилей Катаева совпал с событием великого значения для советского писателя: народ, для которого он работал, для которого он писал все свои книги, его внимательный и чуткий читатель, оказал ему великую честь, выдвинув своего писателя кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. 9 февраля 1947 года избиратели Щербаковского района Москвы будут голосовать за писателя Валентина Катаева.

Вера Смирнова

Про наши дела

Главы из повести

Юрий Сотник

Рис. Б. Винокурова

Как только организовался наш «КВШ», Оська велела мне подробно записывать все школьные дела.

— Ты будешь у нас летописцем, вроде старинных иноков, — сказал он. — Мы живём в великую эпоху. Не так уж часто ребятам приходится делать то, что делаем мы. Лет через пятьдесят твои записки будут просто кладом для историков.

Я согласился и даже выменял у одного мальчика толстую тетрадь за немецкий шлем, пробитый пулей, но за много месяцев не написал ни одной строки. Старинные иноки сидели себе преспокойно в кельях или в обоях княжеских дружин да записывали всё, что делается вокруг. У меня же с этим «КВШ» было столько дел, что я пить-есть забывал, не то что думать о каких-то там историках.

Только теперь, через полгода, у меня нашлось время, чтобы рассказать всю эту историю.

Таинственные записки

Дело было весной 1943 года. Я сидел на подоконнике, зашивая порванный ботинок. В голове у меня были очень мрачные мысли.

За неделю до этого мы с мамой вернулись из эвакуации в родной городок. Я, конечно, успел уже обегать всех знакомых ребят, наслушался рассказов о происходивших осенью боях на подступах к городу и не раз осматривал то, что осталось от нашей школы.

А остались от неё лишь закоптелые стены. Немцы не смогли ворваться в город. Но они два дня обстреливали его из орудий, разрушили целый район — Осетровую слободку. Просто чудом кажется, что школа, стоя на самом краю городка, только обгорела, а не превратилась в груды битого кирпича.

Теперь мы часто приходили к школе. Мы ждали, когда начнётся строительство, чтобы самим помогать рабочим.

Но вот в помещении десятилетки, расположенной на другом конце города, состоялось общее собрание учеников нашей школы. Мы подняли страшный шум, когда на эстраду взойшёл старенький преподаватель литературы Платон Иванович. Все мы часто встречали его на улицах, разговаривали с ним, но сейчас так хлопали в ладоши, так кричали, словно увидели его в первый раз после начала войны.

Он стоял перед нами, маленький, улыбающийся, в той же чёрной суконной толстовке, в которой бывал на уроках, точно так же, как раньше, протирал носовым платком пенсне, но курчавые волосы его и торчащая вперёд борода стали ещё белее.

Когда мы утомились, Платон Иванович надел пенсне, опёрся ладонями о стол перед собой и заговорил, улыбаясь, негромко и медленно:

— Ну, вот... Вот мы и встретились с вами опять в школьной обстановке.

Мы вскопили на ноги и снова хлопали и

кричали минуты две, а Платон Иванович стоял неподвижно, слегка улыбаясь и смотрел на нас, не замечая, что пенсне свалилось с носа и повисло на чёрной тесёмочке. Потом он продолжал:

— Так вот, друзья. На мою долю выпала очень приятная задача, о которой каждый из вас, повидимому, догадывается. Мне поручено сообщить вам, ученикам семилетки, о том, что с 1 сентября этого года в нашем городе возобновляются школьные занятия, — тут слова кто-то захолопа, на него зашикали. — Но, дорогие мои, вам известно, что прежде, чем начать заниматься, в школе нужно произвести ремонт. И я полагаю, что все мы, собравшиеся здесь, обязаны внести свою трудовую лепту в это дело.

Тимоха Садиков вскопчил и закричал, колотя себя кулаками в грудь:

— Платон Иванович! Честное пионерское! От имени всех говорю: день и ночь напролёт будем работать! Честное пионерское!..

— Садись, Тимофей, — сказал Платон Иванович. — Я вполне уверен, что Тимофей Садиков выражает общее мнение, и другого ответа не ожидал. Собственно говоря, днём и ночью работать не нужно. Ремонт настолько незначителен, а нас так много, что каждому придётся уделить лишь несколько часов своего времени!..

Мы притихли, ничего не понимая. Одна девочка спросила:

— Как же так, Платон Иванович, — ремонт незначителен, когда от школы одни стены остались?

Платон Иванович помолчал.

— Виноват! Тут, видно, какое-то недоразумение. Ты о какой школе говоришь?

— Ну, о нашей, сгоревшей, конечно.

— Гм... Да-а... Тут недоразумение. Это... это... конечно, моя оплошность. Я полагаю, вы же знаете о том, что этот год мы будем заниматься в две смены в помещении десятилетки. Правда, в районе поднимали вопрос о восстановлении нашей школы, но пришли к убеждению, что за лето ничего сделать нельзя: в городе не хватает рабочих рук, да и с материалами нелегко.

— У-у! — протянул кто-то.

— Да, дружок! Весьма и весьма прискорбно, но что же поделаешь: война! Это же помещение, как я уже сказал, требует пустякового ремонта: побелить стены, вставить стёкла, починить парты. Ученики десятилетки легко справились бы с такой задачей сами, но я уверен, что никто из вас не захочет явиться на готовенькое.

Конечно, мы сказали, что будем работать, что можем без всяких десятилетчиков три раза выбелить школу и починить сколько угодно парт, но настроение у всех было испорчено.

Всё же на следующий день несколько наших ребят отправились домой к Платону Ивановичу, чтобы поговорить с ним о работе в десятилетке. Но он, оказывается, заболел ангиной и не велел пускать к себе учеников. Больше педагогов из семилетки в нашем городе не было. Директор и физик ушли добровольцами на фронт, математичка Ирина Игнатьевна погибла во время артиллерийско-

го обстрела, а остальные или ещё не вернулись из эвакуации или уехали в областной центр на конференцию учителей.

Точно мне было все эти дни.

Сегодня уже часа три я сидел на подоконнике и чинил ботинок, у которого чуть-чуть оторвалась подошва. Ковырну разок шилом и задумаюсь.

За этим делом и застал меня Андрей Чижов. Он появился перед окном, словно из-под земли вырос. Маленький, стриженный под машинку, он выглядел очень озабоченным. Он тихо спросил:

— Ты один?

— Один.

— Дай-ка руку.

Я протянул руку. Андрей влез на подоконник, соскочил в комнату и устался на меня, намурив брови, которых у него почти не было.

— Ну? — сказал я.

— Понимаешь... — зашептал Андрей. — Я сегодня получил какую-то странную записку.

Он дал мне смятый листок. Я развернул его и прочёл:

«Приходи сегодня, четырнадцатого мая 1943 года, в десять часов вечера к сгоревшей школе.

Икс».

— Странно! Где ты её нашёл?

— У себя в комнате на полу.

— Кто-то что-то затевает, — сказал я.

Андрей нагнулся и зачем-то заглянул под стол.

— Как ты думаешь?... — зашептал он. — Как ты думаешь: а что, если тут кто-нибудь затекает? А?

— Ну, например?

— Ловушка, например, какая-нибудь.

Кто-то забарабанил в дверь. Я побежал открывать. На пороге стояла Галина.

— Вот уж прямо, действительно, кому-то совершенно нечего делать, — заговорила она, входя в комнату. — Вот уж прямо, действительно, кто-то только тем и занимается, что выдумывает всякие глупости.

— А что такое?

— А то, что мы сидим, обедаем, вдруг в окно влетает камень, обёрнутый в записку, и — прямо в суп. Хорошо! Прочла, пообедала, иду к тебе, а на двери твоего дома вот эта бумажка.

Она протянула мне два листочка и принялась поправлять белобрысые волосы.

В обеих записках я прочёл одно и то же: «Приходи сегодня, четырнадцатого мая 1943 года, в десять часов вечера к сгоревшей школе. Икс».

— Ну? — спросил меня Андрей.

— Кто-то что-то затевает, — сказала я опять.

— Ты поймёшь?

— Надо пойти. Наверное, кто-то разыгрывает нас, но всё-таки интересно.

— Глупости! — сказала Галка. — Никуда я не пойду.

Мы ничего не ответили. Мы знали, что она первая прибежит к школе.

Ночью у школы

Я часто думаю: какой всё-таки странный у меня характер. Я был уверен, что все эти записки — чьи-нибудь шуточки. Но в девять

По обеим сторонам дороги торчали печные трубы, освещенные луной.

часов я выскочил из дома и побежал к водопроводной колонке, возле которой условился встретиться с Андреем. Он был уже там.

Мы отправились к школе, стоящей у реки, на самом краю городка. Сначала мы громко болтали, идя по немногим улочкам, где над заборами свешивалась сирень, а за сиренью стояли маленькие домики с темными окнами. Но, проходя Осетрову слободку, оба притихли. По обеим сторонам дороги здесь торчали печные трубы, освещенные луной, валялись кирпичи да обгорелые брёвна, а из-под них виднелись спинки железных кроватей. Андрюшка боязливо косился на них, да и мне было не по себе: так и казалось, что на кроватях под кирпичами кто-то лежит.

В конце слободки виднелся холм, на котором стояла школа. Подойдя поближе, мы ахнули от удивления: возле стен школы уже толпились, по крайней мере, человек сорок мальчишек и девочек.

Когда мы поднялись наверх, они бросились к нам:

— Это вы писали?

— Вы что-нибудь знаете?

Мы сказали, что знаем не больше других. Тогда все снова принялись гадать и строить всякие предположения.

— Глупости и больше ничего! — сказала Галина (она уже стояла здесь, накинув на плечи вязаную кофточку). — Тот, кто написал записки, наверное, спит себе преспокойным сном.

— Нет, — возражала ей, — уж коли написал, — значит, придёт, хотя бы посмотреть, что из этого вышло.

— Вот бы вздуть его! Да, ребята?

Тимоша Садиков выскочил вперёд и загоровил быстро и остривисто:

— Нет! Ребята!.. Погодите! Знаете, что? Вдруг это Оська Димин вернулся! А?

Все призадумались. Оська был моим близким другом. Я подумал было, что Тимофей, может быть, и прав, потому что Димин любил всякие таинственные затеи. Но тут выступил вперёд Миша Морозов. Он сказал:

— Зачем зря говорить чепуху? Всем прекрасно известно, что Оська бежал из Свердловска на фронт и погиб, взорвав немецкий танк.

— Враки, — сказал кто-то. — Он утонул при обороне Севастополя.

Все стали спорить о том, как погиб Оська Димин, и спорили до тех пор, пока не раздался крик:

— Смотрите! Ещё двое!

По дорожке на холм поднимались двое ребят. Один здоровенный, широкоплечий, одетый во всё тёмное, другой маленький, тоненький, в белой рубашке, в чёрных брюках. Мне показалось, что большой — это мой сосед Яша Кривохижа. Но кто маленький? Мы все притихли. Тимоша прошептал:

— А походка-то вроде осыкиной. Подпрыгивает.

— Нет! Не может быть!

— Ой, девочки, и правда, это, кажется, Оська!

— Оська! — закричали вдруг все.

Это и в самом деле был Оська Димин, начальник штаба пионеротряда номер пять.

Что тут было, трудно рассказать! Все кричали, прыгали, хлопали в ладоши..

И только один человек остался невозмутимым среди всей этой сутолоки. Это был сам Оська.

Небольшого роста, щуплый, востроносый, он спокойно улыбался, поворачивал голову в старенькой тютетежке то в одну сторону, то

в другую и коротко отвечал на бесчисленные вопросы.

— Когда ты приехал? Вчера? Сегодня?

— Приехал вчера в девять вечера.

— Правда, что ты был на фронте?

— Ты за Севастополь сражался, да?

— На фронт ушел, но не доехал. Вернули.

Но знаю, сколько времени мы его распрашивали. Наверно, очень долго. Наконец Галина сказала:

— Ну! Теперь сознавайся: ты подбросил записки?

— Нет. Подбросил их Яша, а написал—я.

— Ну да! Они решили устроить сюрприз. Тут Оська перестал улыбаться.

— Нет, — сказал он очень серьёзно. — Это не сюрприз. Мне просто нужно было собрать вас по очень важному делу. Садитесь вот здесь, на траве, и мы организованно проведем собрание.

Мы расселись. И наше историческое совещание началось.

— Вот, — сказал Оська, — я приехал вчера вечером и успел повидаться только с Яковом Кривохижа. Он сообщил мне, что школу в этом году не восстановят и мы будем учиться в десятилетке.

— Точно! — сказал кто-то.

— Вот. И я просто удивляюсь, как вы можете это терпеть и только охать и ахать.

— А что же нам ещё делать?

— Мы должны сами построить школу.

— Что-о?

— Как так «сами»?

— Так. Очень просто. Покрыть крышу, вставить оконные рамы, навесить двери...

— И всё сами? Ты с ума сошёл!

Все зашумели и закричали, но Яша гаркнул во всё горло: «Тише!» — и шум прекратился.

— Всегда, когда кто-нибудь предлагает очень грандиозный проект, — сказал Оська, — многие говорят, что он с ума сошёл. Я думал об этом всю ночь, сегодня утром совещался с Яковом, и он со мной согласен.

— Глупости ты выдумываешь, Оська, — пробурчала Галина. — И Яша тоже. Всё это выдумки одни.

— Прекрасно! Я вам с цифрами в руках докажу, что это не глупости. Яков, посвети.

У Якова на груди висел деревянный ящик, в котором находился телефонный индуктор. Яша завертел ручку, как шарманчик, индуктор зажуужжал, и на ящике зажглась небольшая лампочка.

Оська, глядя на какую-то бумажку, продолжал:

— наших ребят в городе человек двести. В школе двадцать семь окон. Значит, на каждое окно приходится семь учеников. За время войны ребята многому научились. Ремесленники, например, целые заводы обслуживают и работают на настоящих строительных участках. Неужели же семь человек не сумеют сделать оконную раму? Теперь дальше!

И Оська перебрал все виды строительных работ, доказывая, что, дружно взявшись, мы закончим ремонт к 1 сентября, несмотря на то, что многие ребята часть времени будут работать в колхозе.

— Вот. Я всё сказал. Кто желает выступить?

Начала никто не выступал, а все кричали каждый своё.

Но вот со своего места поднялась Галина. Шум утих.

— Я желаю выступить.

— Пожалуйста.

— Ты говоришь, наших ребят двести человек. Ничего не двести. Как раз самых ценных, старших ребят нет. Одни уехали в ремесленные училища, другие работают во всяких мастерских и МТС. Что ж, ты попросишь их помочь нам, когда у них и без того дела довольно?

— Все же нет. И не подумай.

— Ну, то-то! А те, кто свободен сейчас, мало что смыслят в строительстве.

— Научатся, — сказал Оська.

— Кто их научит?

— Яша научит. Он всё умеет делать. Он будет у нас главным инженером... Кто ещё просит слова?

Теперь поднялся сын зубного врача Олег Лакмусов, очень аккуратный, чистенький мальчик. Вежливо улыбаясь, он сказал:

— Меня очень интересует: почему это Осип Димин, чтобы созвать такое важное собрание, не просто известил всех ребят, а стал подкидывать какие-то таинственные записочки?

— Очень просто, — сказал Оська. — Если бы я просто объявил, что созывается собрание, часть ребят не явилась бы. Какие-нибудь дела помешали бы. А тут я уж твердо знал, что каждый придет.

— Очень извиняюсь. Теперь, значит, позвольте перейти к делу, — Олег помолчал и даже чмокнул губами от увлечения. — Вот, например, Ося Димин сказал, что нужно там возвести крышу, настелить полы и всё такое... А позвольте всем задать один вопрос: откуда, например, Осип Димин достанет доски и гвозди, когда и у настоящих строителей стройматериалов в обрез?

Он замолчал и, потирая руки, стал смотреть на Оську.

— Хорошо. Я тебе отвечу, — сказал тот. — Яков, посвети!

Но Яков не успел взяться за свою машину. На него вскопал Тимофей, запыргал на месте, размакивая руками:

— Нет! Оська, погоди! Дай я ему отвечу! Вот именно настоящие строители не будут рыскать по всему городу за досками, а мы можем! Если каждый найдёт три доски, вот тебе и шестьдесят штук. А гвозди! С каждого по десятку — вот тебе две тысячи. У дяди Грини весь сарай вот такими гвоздищами сзади утыкан. А под мостом у Ивановой горы я сам видел: две доски валяются и никто их не берёт.

— Ясно? — спросил Яша Олега.

— Очень даже ясно. Но позвольте мне задать ещё один вопрос. Где это достать брёвна, чтоб сделать балки? Они тоже повсюду валяются?

— А вот где... — начал было Оська.

Но Тимоша опять прервал его:

— Оська, погоди! Знаете, где? За девятнадцать километров вверх по реке завалы в лесу против танков. Здоровенные сосны спилены. Обрубить ветки, связать плоты и пригнать по реке.

— Ясно? — опять спросил Яша.

— Ясно. Но вот какой тут есть вопрос...

У Оськи догнуло терпение. Он спустился на две ступеньки ниже:

— Хочешь, я тебе сразу отвечу на все вопросы? Если бы все сидели да вроде тебя рассуждали, почему то невозможно, да другое невозможно, то всё оказалось бы невозможным. И не было бы в мире ни радио, ни самолётов. А вот для настоящих людей только то и интересно, что сначала кажется невозможным.

Все закричали: «Правильно!», «Верно!» — и захопали в ладоши. У меня у самого было сначала много возражений против оськиного плана. Но когда я услышал, как Олег задаёт свои дурацкие вопросы, я решил: «Нужно хоть на части разорваться, хоть весь город вверх дном поставить, а школу выстроить».

Пока я думал об этом, все кругом говорили, какая это будет честь и слава, если мы сами восстановим школу.

Некоторые мечтали даже о том, что года через два можно будет выстроить ещё и столбную мастерскую и маленький стадион с бассейном для плаванья, но Оська сказал, что не нужно заглядывать так далеко.

По его предложению, мы тут же выбрали Комитет восстановления школы — КВШ, — состоящий из пяти человек. Председателем, конечно, стал Оська, а членами — Галина, Яков, Тимофей и я. Галину сделали завхозом, Яшу — главным инженером, меня — секретарём, а Тимошу — заведующим отделом снабжения, потому что он лучше всех знает, где что в городе найти.

На этом наше собрание кончилось. Все толпой стади спускались с холма. Идя рядом со мной, Оська тронул меня за руку:

— Я сегодня не выпасался. Боюсь завтра проспать. Ты стукни мне в окно часовых в восемь.

— Есть стукнуть в окно.

Утром, как только мама ушла на работу, я отправился будить Оську.

Подойдя к одноэтажному кирпичному домику, я вспомнил, что Оська до эвакуации спал в угловой комнате, и постучал в крайнее окно. Председатель КВШ не появлялся. Я постучал громче. Опять никакого ответа. Став ногами на выступ стены и заглянув в окно, я увидел в конце комнаты кровать, а на ней Оську, закрывшегося с головой одеялом. Громко звать его мне не хотелось. Было ещё довольно рано, и в доме, как видно, все спали. Поэтому я отворил незапертую раму, перелез через подоконник и подошёл к кровати:

— Ося! Ось! Вставай!

Председатель не двинулся. Я нагнулся и потряс его за плечи:

— Оська, слышишь? Довольно спать! Подымайся!

Я затряс было его снова, но тут же отдернул руку. Только теперь я заметил, что «Оська», спавший под одеялом, раз в полтора длиннее нашего председателя. Мне стало не по себе. Я оглянулся, заметил на стуле рядом с кроватью стакан, а в нём — вставные зубы и окончательно убедился, что перелез ною не Оська. Еле двигая ослабевшими ногами, я осторожно шагнул к двери, остановился, шагнул ещё раз... Поздно! Одеяло зашевелилось, откинулось — и долго-вязый пожилой человек сел на кровати.

— Мда! Что? — сказал он спросонок, глядя куда-то в угол.

Потом медленно всем туловищем повернулся и устался на меня. У него были морщины, серые от проседи усы, густые расчёпанные брови и почти лысая макушка. Он смотрел на меня так долго, что я наконец собрался с духом и залепетал:

— Простите, товарищ... очень извиняюсь. Я думал, что здесь Ося... Знаете, здесь живёт такой мальчик Ося, так я думал...

Лицо человека стало краснеть, а глаза нерожко заблестели. Я ждал, что он закричит, но он сдержался и только негромко пробасил:

— Гм! Однако... Это, знаете ли, — безобразие!

На веранде, куда я выскочил не помня себя, стояли Оська и его мама.

— О-о! — протянула она, увидев меня. — Если не ошибаюсь, это сам Николай. Молодец! Вытянулся, возмужал. Ну, здравствуй. Что ты делал в такую рань у соседа?

— Здравствуйте, Анна Фёдоровна! Так... заходил... по делу заходил... Так... Есть одно дело, такое...

Я чувствовал, что мелю чепуху. Оська внимательно посмотрел на меня, понимая, что здесь что-то неладно. Наконец Анна Фёдоровна ушла.

— Ну... Выкладывай, что случилось.

Я рассказал своё приключение. Выслушав меня, председатель заложил руки назад и заходил по веранде.

— Неприятно. Ты и не знаешь, как это неприятно, — сказал он. — Я хотел привлечь его к строительству. Он, говорит, инженер.

— Ну и привлекай себе. Если хочешь, я ещё раз извинюсь.

— Вот в том-то и дело, что он вообще бука какой-то. Знаешь... человек в футляре. Он приехал в тот же день, что и мы, а сюда пришёл первым. Ему временно одну нашу комнату дали. Поставил чемодан в коридоре и спрашивает: «Детей нет? Не люблю шума». А тётя Маша ему говорит: «Нет. Сейчас тихо. Правда, скоро вернётся сестра с сыном. Это, я вам доложу, мальчишка! Круглые сутки в доме дым коромыслом». А мы с мамой тут как тут.

— А он что?

— Ничего. Засопел и ушёл в свою комнату. Оська оделся, и мы отправились на строительство.

Тут мы пропустили несколько глав из колони летописи. В них рассказано о том, как ребята два дня трудились на пожарище. Взрослые не верили в успех их затеи. К концу второго дня многие из ребят сами убеждаются в том, что дело не так просто.

— Ничего у нас не выйдет без опытного руководителя, — говорят они.

Чтобы «поддержать дух» строителей, Оська пускается на хитрость. Он заявляет, что его верный сосед, инженер Кочевцов, уже дал согласие руководить строительством и приступит к работе через неделю. За эту неделю Оська надеялся и в самом деле поговорить с инженером. В своём обмане он сознаётся только членам КВШ.

Воспрянувшие духом ребята снаряжают экспедицию в лес добывать брёвна.

Проснувшись пораньше, я сбегал за хлебом, взял топор, провизии в рюкзак и ушёл из дому, не разбудив маму, чтоб не получилось опять неприятного разговора. Я только оставил ей записку: «Мамочка, не волнуйся и не сердись, ушёл по важному делу. Вечером вернусь».

Часа через полтора наша экспедиция в составе девяти человек высадилась из местного поезда на маленькой станции «Раздолье».

Хотя мы и собирались к вечеру вернуться домой, но каждый из нас снаряжился на славу. Каждый нёс топор, или пилу, или верёвку для вязки плотов, у каждого за спиной был мешок с засунутым туда пальто и однодневным запасом провизии. Яков захватил свой фонарь, Оська — компас, а Саша Ившукин — половинку от бинокля.

Мы шли гуськом вслед за Тимофеем по тропинке, между картофельных полей. Завснаб то и дело оглядывался и даже пятился задом, чтоб удобнее было говорить:

— Ребята! Мы вроде экспедиции, которая ищет эти... как их... Ну, железо там, нефть...

— Разведчики полезных ископаемых, — подсказывал Анатолий.

— Ага!.. Будто нас послали найти такое полезное ископаемое, которое... это... имеет огромное значение для страны.

— Нет, товарищи! — говорил Андрей. — А знаете, какое ещё значение имеет наша экспедиция? Не только строительное, а ещё и научное. Помните, когда-то «Пионерская правда» писала, чтоб ребята исследовали малые реки? Сколько раз мы бывали в этих местах! Разные пионерпоходы и всё такое... А кто из нас хоть раз исследовал, как течёт река Уклеяка от этих мест до города?! Никто. Правда, Оська? Ось, правда?

Скоро мы вошли в лес и зашагали по краю дороги, на которой была ещё весенняя грязь.

До войны я часто бывал здесь с ребятами. Тогда это был весёлый, спокойный лесок, такой уютный и знакомый, как комната в своём доме. Здесь, среди густых неподвижных елей, было много полянок, где мы строили шалаши, играя в следопытов; здесь были заросли молодых берёзок, которые да-

же в дождь казались освещёнными солнцем; и здесь всюду была такая густая трава, что на ней мы кувыркались и боролись, как на матрасе.

А теперь я шёл и не узнавал леса. Вместо молодых берёзок торчали из земли какие-то колья, без веток, без листьев: их начисто срезали снаряды и гудемётный огонь.

Одни ёлки лежали на земле с бурой хвоей, с перебитыми стволами. Другие, такие же бурые, навалились на соседей. А те, что не упали, стояли теперь изуродованные, с надломленными ветками, висящими беспомощно, словно отсохшие руки. Всюду земля была изрыта воронками, вокруг которых валялись комья глины и масса развороченных корней. Часто мы видели на траве то консервную банку, то гильзу от снаряда.

У меня стало как-то грустно и тревожно на душе. Притихли и остальные ребята, хмуро поглядывая по сторонам.

Так шли мы около часа. Наконец Тимоша остановился и сказал:

— Здесь!

Мы огляделись. Прямо перед нами была тихая узкая речка, в которой отражались облака и верхушки сосен. Здесь, как видно, был брод: дорога уходила под воду и вновь появлялась на другом берегу. Слева, метрах в пятидесяти от дороги, тромозился противотанковый завал. Большие сосны были надпилены довольно высоко от земли и свалены в одну сторону верхушками. Огромные засохшие ветки их придавливали кусты и молодые деревца, и те росли искривь и вкось, поматые, согнутые, но всё же зелёные, живые. Над всей этой мешаниной из веток, стволов и засохших игл возвышались редкие неспиленные сосны.

Тимоша вертелся перед нами очень довольный:

— Ну! Что я вам говорил. А? Хватит здесь брёвна, а? Хватит?

— М-м-да, — сказал Оська. — Это, кажется, то, что нам нужно.

Все хвалили завснаба. Только Яша, жуя травинку, протворчал:

— Семь повтов сойдёт, пока мы хоть одну лесину отсюда вытащим.

— Что ж, что семь повтов! — сказал Оська. — На то и трудности, чтоб их преодолеть. Пошли!

Только теперь, подойдя к завалу, мы поняли, какая работа нам предстоит: на каждой сосне было несколько десятков веток, из которых некоторые — величиной с небольшое деревцо. Нужно было обрубить все эти ветки, нужно было распилить каждый ствол на несколько кусков, нужно было оттащить заготовленные брёвна к реке, пробравшись с ними через завал. К тому же, как я уже сказал, все эти сосны были не спилены, а только надпилены так, чтобы их можно было свалить; значит, кому-то из нас предстояло карабкаться на высокие пни и топором отделить от них стволы.

Все мы смотрели на Яшку. Тот постоял немного в раздумье, затем сказал:

— Я сейчас полезу на этот пенёк и обрублю вот эту штуковину, а вы стойте вокруг и ловите меня, если я свалюсь.

По полянке, отделявшей нас от дороги, шёл человек...

Так и сделали. Яша разулся и стал карабкаться на пень, а мы подсаживали его, пока хватило рук. Добравшись до места надпила, он выжался на руках, осторожно стал на верхушке пня коленями, а затем так же медленно и осторожно сел на корточки. Все мы стояли вокруг пня не дыша. Примостившись удобно, Яша сказал:

— Подайте топор.

Минут через пять ствол ухнул вниз, содрал на пне кору. Главный инженер спустился очень гордый и довольный.

Мы принялись разделять сосну. Никогда я не думал, что это такая сложная и трудная работа!

То и дело ствол, который мы пилили, провисал и зажимал пилу, и его приходилось приподымать колыями. Ветки никак не хотели рубиться, сколько по ним ни стучали топором, под ногами была не земля, а сплошные коряги, о которые мы спотыкались. Со всех сторон торчали тысячи сучков. Сверху за шиворот всё время сыпались колючие иглы.

Когда мы оттащили к реке одиннадцатое бревно, Толя посмотрел на небо, прищурив рыжие ресницы, и сказал:

— Ребята, а солнышко-то заходит.

И правда, солнце, большое и красное, уже светило не над деревьями, а между ветками.

— Вот так штука!—сказал Оська.—Что ж! Возвращаться домой с одиннадцатью брёвнами?

— Как возвращаться!—заволновался Ти-

моша.—Ничего такого подобного! Развести костёр и почевать здесь. Да, ребята?

— Да, а дома волноваться будут: куда мы исчезли,—сказал Андрей.

Оська быстро придумал, как быть.

— Очень просто. Один отправится в город и предупредит дома, а другие останутся и закончат работу.

Все согласились. Но до станции было шесть километров. Никому не хотелось идти после целого дня тяжёлой работы. Решили тянуть жребий, и Оська стал делать билетки. Вдруг Саша Ивушкин подошёл к нему, постоял немного молча и сказал:

— Ося, не надо никакого жребия. Я так пойду, без жребия.

Яша махнул рукой:

— Брось, цапля! Тебя по дороге лягушки съедят.

— Всё равно я пойду,—ответил тот.

— Хорошо,—сказал Оська.— Иди.

— Во! Правильно!— одобрил Тимоша.— И знаешь чего, Ивушкин? Ты по этой дороге не иди, а иди лесными тропинками, так ближе. Как дойдёшь до первой тропки, направо сверни. Я тебе сейчас план нарисую. Километра на два ближе. Ладно? И нам бы нужно так идти, да я вовремя не вспомнил.

Мы знали, что поезд на Энск идёт один раз в сутки—вечером, но никто не знал точно, когда он приходит в «Раздолье». Поэтому Саша немедленно отправился в путь.

Под высоким бугром, у самой реки, мы зажгли костёр, напекли картошки и, поужи-

нав, стали отдыхать. Кто лежал, кто сидел на постелях из мелких веточек и травы.

Совсем стемнело, а луна ещё не взошла. Только ближайшие спутанные ветки завала, чуть краснее, выделялись из темноты, освещённые огнём. И оттого, что свет на них всё время дрожал и двигался, казалось, что за ветками кто-то шевелится.

Мы затихли, вглядываясь в темноту за костром, прислушиваясь к шорохам в лесу да вслескам в реке.

— Сколько здесь народу погибло, в этом лесу! — сказал наконец Толя.

Андрей, сидевший, обхватив руками колени, пристально посмотрел налево, потом уставился на нас круглыми глазами:

— Товарищи! А что если... А что если в этом самом лесу сейчас прячутся диверсанты?

— Откуда они могут взяться, диверсанты? — А вот откуда. Были здесь бои. И вот какой-нибудь полковник фон Шмидт вызвал к себе лейтенанта фон Шульца и сказал: «Герр лейтенант фон Шульц, мы должны отступить отсюда. Возьмите радиопередатчик, спрячьтесь в лесу, в глубокой землянке, и сидите в ней, пока не кончатся бои. А когда русские займут эту территорию, выходите по ночам из землянки и ведите шпионскую и диверсионную работу».

— Ага, — сказал Тимоша, — и, может быть, сейчас этот лейтенант фон Шульц сидит в завале и подглядывает за нами.

— Что ж! Конечно, всё может быть, — сказал Оська. — Я, например, знаю несколько случаев, когда ребята ловили диверсантов. Двух девочек даже наградили за это.

Он рассказал нам несколько историй о диверсантах.

После Оськи стал рассказывать Андрей, а за ним — Тимоша.

Большая розоватая луна выползла из-за верхушки елей и отразилась в реке. От костра остались одни красивые угли, но никто не шёл за топливом.

Подавшись вперёд, с перепуганным лицом, Тимофей говорил:

— Вдруг видит: дверь слегка открылась, и из неё... Раз!.. И вышел человек. А потом, раз!.. И ещё человек...

От волнения у завсناба не хватило дыхания, и он умолок. Мы сидели, не шевелясь, боясь оглянуться через плечо. И как раз в этот момент где-то недалеко за нашим бугром раздался странный короткий звук:

— Пчхи!

Тут уж мы и дышать перестали.

— Пчхи! — послышалось опять.

Андрей стал на колени и вытянул шею:

— Слышите?

Тимоша поднялся на четвереньки:

— Чихает кто-то...

Оба они поползли по склону бугра, замерли, вглядываясь в темноту, и вдруг, разом прыгнули чуть ли не в самый костёр.

— Человек! — прошептал Андрей страшным шопотом.

Через секунду вся наша экспедиция острожно выглядывала из-за бугра.

По полянке, отделявшей нас от дороги, дей-

ствительно шёл человек, высокий, одетый в тёмное пальто и в тёмную шляпу с полями. Он шёл медленно, часто останавливаясь, словно прислушиваясь.

— Неудивный. Да? Глядите, как блуждает, — шепнул Тимофей.

Недалеко от бугра человек опять остановился. Когда он поворачивал голову, под полями его шляпы блескивали очки.

— Высматривает!.. Ой, ребята, высматривает что-то.

— Гм! — сказал человек; он повернулся и пошёл обратно к дороге.

Тут я заметил, что Тимоша совсем выполз на бугор, а Андрей уцепился за его ногу:

— Стой! Куда ты? Что ты делаешь!?

— Пусти! Выследить его надо!

Завснаб вскопала на ноги и пустился вслед за незнакомцем. Он бежал по освещённой лунной полянке, низко пригнувшись, прячась за мелкие кустарники, иногда бросаясь в траву. Но ему не повезло. Человек неожиданно обернулся, а Тимофей словно заяц присел в нескольких шагах от него.

Мы лежали ни живые, ни мёртвые.

Но вот человек что-то сказал. Медленно, видно, с большой неохотой, завснаб приблизился, поговорил о чём-то с незнакомцем и со всех ног побежал обратно к нам.

— Станция спрашивает! — прошептал он, съезжая на корточках с бугра.

— А ты?..

— Сказал, что сам туда иду. Только вот с ребятами попрощаюсь.

— Зачем?

— Чтобы он не ушёл. Знаете, что? Я его сейчас заговорю, а вы подкрадитесь и наваливайтесь на него со всех сторон.

— Бросьте вы! — сказал Яшка. — А ну как это честный человек!

— Честный! Хорош, честный! Видели, как он от меня шарахнулся?

— И ты бы шарахнулся, если б к тебе подкрались.

— А станция! Зачем ему станция? Поезда теперь до завтра не будет.

— Документы проверить, — и все! — предоложил Анатолий.

— Да! А он тебя хватит по голове — и поминай, как звали.

— Придумал! — сказала Оська. — Ребята, главное — спокойствие. Это, может быть, обыкновенный гражданин, а может быть... сами знаете, кто. Станция ему показывать нельзя. Там сейчас только телефонист да дежурный. Сделаем так: Тимофей говорит, что поведёт его на станцию, а сам отведёт его в обратную сторону, хотя бы в Пичужки. Мы незаметно последуем позади. В случае чего, окажем помощь. В Пичужках съём в поселковом совет. Там проверят документы.

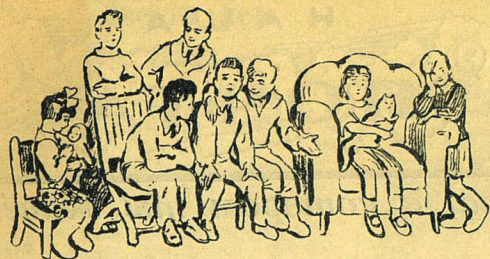
— А если это не диверсант?

— Ну и что ж! Пусть лучше честный человек пройдёт лишние три километра, чем шпион останется на свободе.

— Верно! Конечно, диверсант. Страшный такой... Голос хриплай... Пройдите, ребята! В случае чего... Ладно уж... Эх...

Тимоша вздохнул и убежал.

(Продолжение в следующем номере.)

А. Барто

МЫ СЛУШАЕМ РАДИО

Рис. А. Брея

И в колхозы, и в станицы,
И на Днепр, и в Литву
Мчатся вести из столицы, —
Всюду слушают Москву.

Бой часов разносят волны,
Бьют часы на башне в полночь, —
И везде, на всей земле,
В полночь бьют часы в Кремле.

Я убрал свои тетради,
Я поставил стулья в ряд.
— Приходите слушать радио, —
Пригласила я всех ребят.
— Приходите ровно в пять, —
Мама будет выступать!

— Мама выступить должна! —
Я кричу соседу.
— Будет слушать вся страна
Мамину беседу.

Вот настала тишина,
Все молчат в квартире,
Только музыка слышна,
А мамы нет в эфире.

Где она, — не понимаю.
Я найти её хочу,
Я на кнопки нажимаю,
Регуляторы верчу.

Я разыскиваю маму,
Я кричу: — Ну, где ты тут?
Театральную программу
Мне в ответ передают.

Говорят и про турбины
И про Северный Урал...
На короткой и на длинной —
Я на всех волнах искал.

Хотела мама говорить
О станках, о пряже.
Всё могу я повторить,
Почему не рвётся нить,
Я запомнил даже.
Сколько будет полотна
В этой пятiletке,
Сколько шерсти и сукна
И какой расцветки...

Мы готовились вдвоём
К этой передаче, —
Она писала за столом,
А я решал задачи.

Нету мамы, хоть заплачь,
Куда девалась мама?
Передают футбольный матч,
Стадион «Динамо».

Потеряли мы терпенье,
Ищем маму полчаса, —
Вдруг сквозь музыку и пенье,
Сквозь чужие голоса
Мамин голос раздался.

Вот нашлась она в эфире,
Говорит со всей страной,
Слышат маму в целом мире,
А в Москве, в её квартире,
Слышит маму сын родной.

Спасская башня Кремля.
Гравюра на линолеуме
Виктора Калинина.

Город, в котором ты живёшь

Лев Кассиль

За столом президиума сидят большие учёные, поэты и писатели, знатоки московской старины, учителя и общественники столицы. Их головы склонились над объёмистыми рукописями, над нарядно разрисованными альбомами и тетрадями... Генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Игнатъев открывает очередное заседание штаба юных историков при московском Доме пионеров, посвященное конкурсу на тему «Москва — сердце Родины».

Москва — сердце Родины! К голосу Москвы прислушивается вся страна. Голос Москвы — это голос Сталина, сердечно, сурово и уверенно звучащий над страной в самые тревожные дни, когда враг уже рвался к дальним подступам Москвы. Голос Москвы — это громоподобный глагол пушек, возвещавших миру об исторических победах Красной Армии. И когда мы, члены штаба, перебирали тетради, рукописи, альбомы, присланные московскими школьниками на конкурс, посвященный Москве, мы слышали, как голос древней Москвы подхватывают молодые, чистые голоса, звенящие от ясной и гордой любви к своему славному городу.

На конкурс были присланы сотни работ. Всего же работ о Москве написано ребятами несколько тысяч.

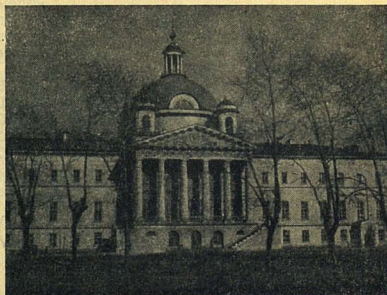
Труды юных историков Москвы были очень разнообразны. Сколько книг надо было переворочить, сколько выписок сделать ребятам исторического кружка 287-й школы Москвы, чтобы написать историю Ярославского шоссе, по которому пришёл когда-то в Москву мальчиком

Ломоносов! Ребята обследовали каждый уголок района, расспросили старожиллов, вывелили у них всё, что можно было узнать по истории шоссе и примыкающих к нему переулков. Их работа получила первую премию.

Высокую оценку учёных, премии и награды получили такие труды юных историков, как «Сталинокий план реконструкции Москвы», «Москва при Иване Третьем», «Новая стройка метрополитена», «Ленин в Москве» и многие другие интересные, хорошо задуманные и тщательно выполненные работы.

Скоро Москве исполнится 800 лет. На конкурс поступают новые интересные работы. Отрывки некоторых из них мы сегодня печатаем в «Пионере».

Может быть, по примеру юных историков Москвы молодые патриоты Ленинграда, Одессы, Киева, Ростова, Харькова, Свердловска, Мурманска и других городов, прославленных в боях и труде, тоже возьмутся за изучение истории своего края, своего города, своих улиц?

На Большой Калужской улице в Москве находится 1-я Градская больница. Она построена М. Казаковым.

Двести лет назад

Наташа Органова,

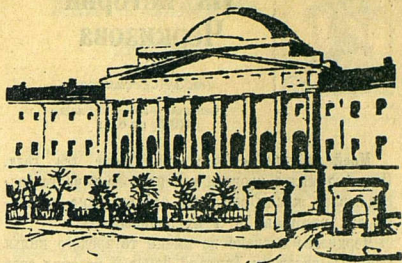
ученица 8-го класса 71-й школы

В 1737 году в Москве родился человек, который впоследствии изменил облик многих русских городов. Это был Матвей Фёдорович Казаков. До сих пор много его прекраснейших зданий украшают Москву. Одно из них — Петровский дворец. Это первая большая работа русского архитектора Казакова. В ней он показал новый архитектурный стиль России — московский классицизм, пришедший на смену вычурному барокко.

Невысокая каменная стена со стрельчатыми окнами, украшенная живописными башенками, окружает дворец. Стрельчатые окна делают здание похожим на готический замок. Дворец состоит из двух этажей. На крыше куполообразная ротонда, тоже со стрельчатыми окнами. Под ней, на втором этаже, крытый балкон. Он поддерживается четырьмя причудливыми колоннами, опирающимися на крыльцо. Всё здание обильно украшено каменной резьбой. Именно таким представлял себе Казаков русский стиль. Он собрал элементы прошлой русской архитектуры и претворил их в прекрасной, законченной форме.

В Петровском дворце бывали цари, когда приезжали из Петербурга в Москву; в 1812 году в нём спасался от пожара Наполеон. После Октябрьской революции Николай Егорович Жуковский основал в этом здании Воздушную академию.

Почти одновременно с Петровским дворцом Казаков построил здание Сената в Кремле. Это — лучшее его архитектурное творение. Участок, предназначенный для постройки, был небольшой и треугольной формы, и на нём было трудно

Московский Государственный университет. Гравюра Толи Калашникова (Детская художественная студия Дворца культуры при заводе имени Сталина).

строить здание. Но Казаков справился с этой задачей блестяще: он придумал Сенату треугольную форму. Очень интересна в этом здании центральная часть, увенчанная куполом. Нужно было немало искусства, чтобы построить этот необыкновенно хрупкий купол. Когда строительство закончилось, рабочие боялись снимать леса. «Купол непременно обрушится», — говорили они. Тогда Казаков стал на вершину купола и стоял там до тех пор, пока леса не были сняты. Сейчас в здании Сената находится наше правительство.

В Москве, на углу Пушкинской и Охотного ряда, Казаков построил дом князя Долгорукова. Он сохранился до наших дней. Теперь это Дом Союзов. Кто из москвичей не бывал в Колонном зале Дома Союзов! В нём устраиваются концерты, вечера, лекции. Тысячи московских ребят веселятся на новодомних ёлках в этом зале. Они с восхищением смотрят на лёгкие, изящные колонны и хрустальные люстры!

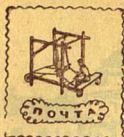
Здания Московского университета на Моховой выстроены тоже Казаковым. Много дворянских усадеб, созданных великим русским зодчим, сохранилось в Москве до наших дней. Они наложили своеобразный отпечаток на весь город. Проходя по какому-нибудь глухому переулку, неожиданно наталкиваешься на такой дом и невольно останавливаешься, поражённый близкой и лёгкостью высоких колонн. Казаков оставил после себя чудесные архитектурные памятники и в других городах.

В 1812 году семидесятилетний Казаков был потрясён пожаром Москвы: столько труда пропало даром! Через год он умер.

Казаков создал школу, из которой вышло много талантливых архитекторов. Бакарёв, Бове, братья Поливановы, сыновья Казакова — Василий, Матвей и Павел — все они были учениками талантливого русского зодчего.

Здание, где теперь помещается Институт факультуры имени И. В. Сталина, построил тоже Казаков.

Из истории Черкизова

Люба Абросимова,

ученица 6-го «А» класса
379-й школы

Моей бабушке сейчас шестьдесят два года. Она всю жизнь провела в Черкизове и часто рассказывает, каким оно было раньше. Мне нравятся эти рассказы, и я их записываю.

Черкизово названо по имени татарского князя Серкиза, которому Дмитрий Донской подарил село за службу.

Пятьдесят лет назад Черкизово было грязным селом. Оно состояло из нескольких улиц, и все они назывались Черкизовскими. Из них только одна — Большая Черкизовская — освещалась керосиновыми фонарями. Слева от неё на пяти улицах жили крестьяне, а справа земля принадлежала заводчику Гусарёву, и все, кто на ней жил, работали на его кирпичном заводе. Позже в Черкизове поселился фабрикант Панов и построил текстильную фабрику.

Трамваи тогда было не только в Черкизове, но и в городе. Ходили линейки и конки, запряжённые лошадьми.

Грамотных людей в Черкизове можно было пересчитать, потому что была только одна трёхклассная школа. Да и в ней учились не все: нужда гнала работать и детей.

Зато было два монастыря. Сейчас от них не осталось никаких признаков: на месте женского монастыря построен рынок, а там, где был мужской, теперь наша школа.

Случалось, что в Черкизове свирепствовали страшные эпидемии. Бабушка мне рассказала, что

место, где сейчас находится завод «Изолит», раньше называлось «моровыми могилами». Там хоронили людей целыми семьями.

Черкизово всегда славилось кустарями-вязальщицами, и теперь ещё почти в каждом доме можно встретить вязальную машину.

Теперь Черкизово — окраина Москвы. Улицы здесь широкие, прямые, освещены электричеством. Монастырская роща стала детским парком, а там, где раньше было Калюшинское кладбище, теперь стадион «Сталинец». Летом сюда съезжаются тысячи москвичей смотреть футбольные матчи. Черкизово — не промышленный район нашей столицы, но и здесь много новых заводов, фабрик и разных мастерских. Есть в Черкизове театр и кинотеатр, и больницы, и почти на каждой улице школа.

Красная Пресня

Лида Кондрашина,

Валя Старостина,

ученицы 7-го класса 90-й школы

Улица Дружинников... Отсюда начинается новая история Пресни, история Красной Пресни.

Старые рабочие хорошо помнят революционное восстание в декабре 1905 года. О нём рассказывает почти каждая улица нашего района.

Улица Мантулина

На этой улице в ночь на 19 декабря 1905 года был расстрелян Фёдор Мантулин — рабочий сахарофациндного завода с Пресни. В дни декабрьского восстания он был организатором и руководителем одной из первых рабочих дружин. Полиция, узнав, что рабочие готовят восстание, неожиданно ночью ворвалась в заводские казармы. Мантулин был там. Рабочие предложили ему скрыться, но Мантулин отказался. Его схватили и долго допрашивали, но, не получив ответа ни на один вопрос, вывели за ворота завода. Все поняли, что его расстреляют. В тот момент, когда солдаты заряжали винтовки, вдруг раздался громкий голос Мантулина:

— Палачи! Наступит тот день, когда за меня с вами рассчитаются! Прости, Родина, что я для тебя так мало сделал! Стреляйте же прямо в сердце, солдаты!..

В 1922 году Студенецкая улица была названа именем Фёдора Мантулина.

10-я Черкизовская улица. Рисунок Зои Соловьёвой — ученицы 379-й школы.

Как строилось метро

Галя Иванова,

ученица 5-го «А» класса
345-й школы

Улица Старой Пресни. Гравюра Толи Калашникова.

Проезд имени Н. П. Шмидта

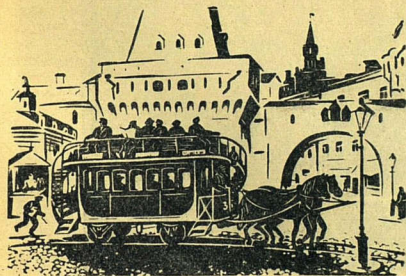
Студент Московского университета, племянник знаменитого фабриканта Морозова, Николай Павлович Шмидт был хозяином мебельной фабрики на Пресне. Когда вспыхнуло декабрьское восстание, Шмидт поддержал рабочих. Его фабрика стала очагом восстания, за что от полиции получила название «чёртова гнезда». Шмидт много давал рабочим денег на вооружение. Однажды он передал через Алексея Максимовича Горького сразу двадцать тысяч. «Шмидтовцы» уперев других держались на баррикадах. Перепуганная полиция посадила Шмидта в тюрьму. Там он был замучен.

Улица, по которой вели Шмидта в тюрьму, теперь названа проездом Н. П. Шмидта.

Улицы Дружинников

Когда вам придётся побывать на этой улице или услышать о ней, знайте, что она названа так в честь рабочих Пресни, которые в декабре 1905 года подняли оружие против царского самодержавия. В честь того, что здесь рабочие дружины пролили свою кровь, Пресня стала называться Красной, а одна из улиц — улицей Дружинников. Это о них, рабочих-дружинниках 1905 года, Владимир Ильич Ленин сказал:

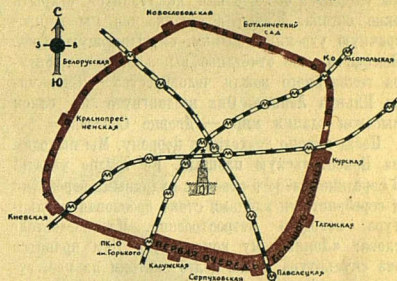
«Да здравствуют рабочие Красной Пресни, передовой отряд Всемирной революции!»

Пятьдесят лет назад москвичи ездили на конках.

Московское метро строила вся страна.

Много неизвестного ожидало первых метростроителей. Меня особенно поразило одно событие во время постройки станции метро «Комсомольская». О нём я прочтала в книге П. Лопатина «Москва». Пусть и другие ребята знают, как много труда вложено в эти красивые дворцы под землёй, в которых ежедневно бывают тысячи москвичей.

Это схема московского метро. Чёрным пунктиром Галя Иванова отметила уже действующие линии.

Летом 1934 года проходчики станции «Комсомольская» наглокнулись под землёй сначала на пльвинное болото, а немного глубже — на древний ручей Ольховец. Труба, сдерживавшая его, была уже ветхой, и ручей вот-вот мог вырваться наружу. Метростроители сделали огромный деревянный короб и в нём подвесили на стальных сваях Ольховец. Теперь он шумел над головами людей, а они в это время закопывали в железные стены болото, чтобы оно не разрушало грунт. Но в это время пошёл дождь. Он лил несколько дней подряд. В котловане, где работали люди, с каждым днём прибывала вода. Бушевал в закрытом коробе и Ольховец. Наконец доски короба не выдержали, и ручей водопадом обрушился на железные стены, сдерживавшие болото. Под сильным напором стены разрушились, и на площади образовалась трещина. Она очень быстро приближалась к стенам Казанского вокзала. Но никто: ни пешеходы, ни те, кто проезжал мимо, — даже не подозревали о приближающейся катастрофе. Об этом знали только строители метро. Это были комсомольцы. От них зависела в тот день судьба многих москвичей. Три вагона серых камней комсомольцы выгрузили в трещину за десять минут и... победили!

Через несколько лет откроется ещё двенадцать станций. Вокзалы, театры, парки и крупные заводы нашей столицы соединит кольцо лучшего в мире метрополитена.

Москва будущего

Искра Чуркина,

Аня Снехова,

ученицы 7-го класса 345-й школы

Перенесёмся мысленно в 1960 год...

Быстро несётся наш электропоезд мимо зелёных полей, кудрявых рощ, мимо серебристо-голубых озёр, ослепительно сверкающих на солнце. Мы подъезжаем к Москве. Пятнадцать лет нас здесь не было, и нам не терпится открыть окно вагона. Жадно всматриваемся мы в прозрачную утреннюю дымку, окутывающую город. Высоко в небе отчётливо вырисовывается фигура гениального вождя человечества — Владимира Ильича Ленина. Она воздвигнута на самом высоком здании мира — Дворце Советов.

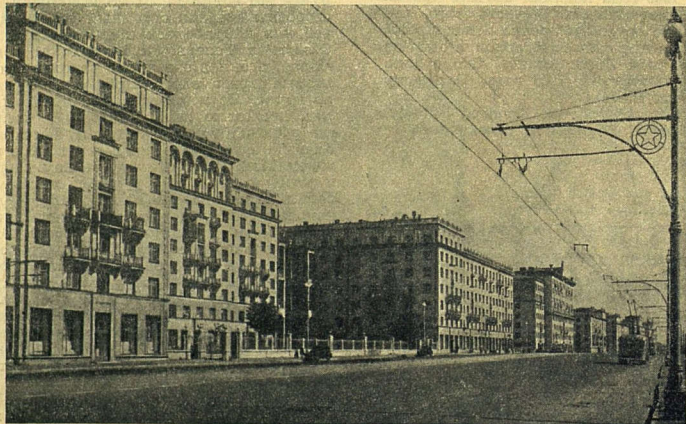
Поезд плавно подходит к перрону. Мы выходим на Комсомольскую площадь. Её трудно узнать! В середине зелёного сквера с шурдящими берёзками и серебристыми клёнами стоит бронзовая скульптура молодого метростроителя. На пьедестале слова: «Ленинскому комсомолу!» Нам нравится эта скульптура, и мы долго смотрим на неё, гуляя по скверу. А потом садимся в автомобиль и быстро мчимся по широкой, почти заново отстроенной и зелёной улице имени Кирова. Наша машина не останавливается у светофоров: она мягко спускается в тоннель, проходящий под улицей, и так же плавно поднимается наверх по

площади Свердлова. Совсем не изменились за пятнадцать лет Большой и Малый театры. Значит, архитекторы решили оставить их как памятники старины. А вот и Красная площадь. Старые мохнатые ели попрежнему торжественно стоят вдоль древней кремлёвской стены, охраняя дорогой нам всем мавзолей Ильича. Перед ним огромная Красная площадь, залитая бледно-розовым асфальтом. Уже третья цветную площадь мы видим в Москве!

Рядом с памятником Минину и Пожарскому — статуя русского солдата. Это он победоносно прошёл от Москвы до Берлина, трюма фашистские полчища, это он принёс свободу и счастье многим народам Европы. С ним рядом совсем необычно выглядит храм Василия Блаженного.

Через Москворецкий мост мы выезжаем на аллею Побед. По обим её сторонам, среди дубов и клёнов, стоят статуи замечательных русских полководцев всех времён. Перед нами проходит история борьбы русского народа за свою независимость — от храброго Святослава до Героев Отечественной войны. Статуя великого вождя и полководца Иосифа Виссарионовича Сталина заканчивает аллею Побед.

Светлые, со строгими линиями дома, зелень бульваров, лёгкие чудесные мосты над широкой Москвой-рекой проносятся мимо. Вот и площадь Восстания. В центре её шарообразное здание нового Плазетария. Здесь же, на площади, установлен огромный телевизор. На его экране транслируется опера Чайковского «Евгений Онегин». Мы останавливаем машину и вместе с другими слушаем и смотрим оперу...

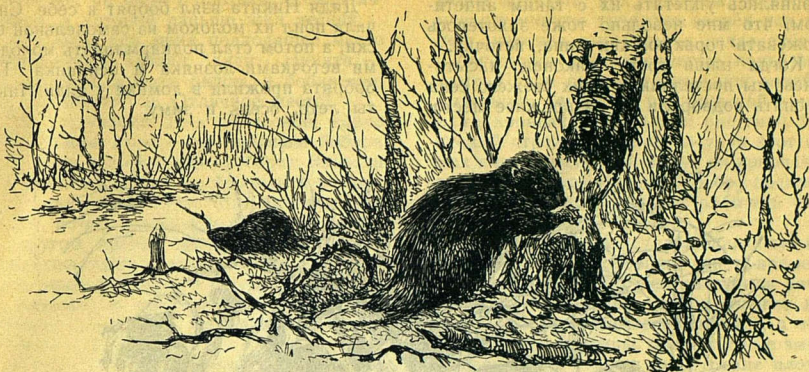

Большая Калужская — одна из многих улиц, отстроенных за годы сталинских пятилеток.

Государственная Третьяковская галерея

Картина В. Серова

Переселенцы

Рассказ Г. Скребицкого

Рис. Г. Никольского

Наш заповедник находился среди лесов и болот, в которых водились самые различные звери и птицы.

Каждое утро с восходом солнца сотрудники заповедника брали с собою полевые сумки, записные книжки, еду и уходили на целый день в лес. На десятки километров в округности мы отлично знали каждую норку, каждое гнездо, сколько там детёнышей, когда они появились на свет, чем их кормят родители.

Однажды утром, когда мы собирались в обычный лесной поход, под окнами домика, в котором мы жили, застучали колёса телеги. Это было необычное событие: редко кто-нибудь заглядывал к нам. Все высочили на крыльцо.

Из телеги, не торопясь, вылез широкий, приземистый человек с огромной курчавой бородой от самых глаз и почти до пояса — настоящий дед-лесовик. Бородач неспеша подошёл к нам и подал письмо. Мы сейчас же сняли с телеги большой ящик, в котором что-то возилось, пытело и фыркало.

— Затомились, бедняги, — сказал бородач, — большие тысячи километров по желёзной дороге проехали да на телеге километров двести, закачало их совсем.

Дядя Никита (так звали бородача)

отодрал клещами гвозди и открыл крышку.

— Бобки, бобки, вылезайте!.. — позвал он, наклоняя набок ящика.

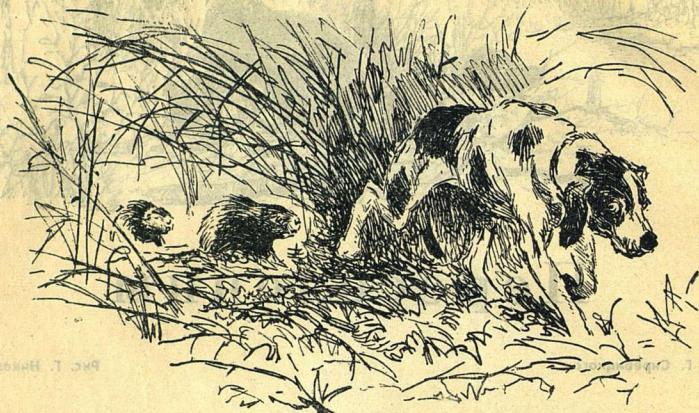
На этот зов из ящика выбрались два бобрёнка. Они были совсем ручные и даже позволяли себя гладить. Я с любопытством разглядывал этих огромных водяных грызунов. Каждый из них весил не меньше двадцати килограммов. Толстые, одетые в свои роскошные шубы, они казались очень степенными и важными. Но особенно замечательные были у них хвосты: широкие, плоские, как лопатки, и покрыты они были не шерстью, а рыбьей чешуёй. Переваливаясь на коротеньких лапах, бобры солидно расхаживали по лужайке возле дома, присаживались и забавно расчёсывали то передними, то задними лапками свалывшуюся за дорогу шерсть.

Мы принесли на лужайку огромный медный таз и налили в него несколько вёдер воды. Услышав шум льющейся воды, бобры опрометью кинулись к тазу. Что только они выделывали в тазу! Плавали, ныряли, кувыркались, переворачивались на спину, на бока и плескались, как озорные ребята. А после купанья долго и тщательно расчёсывали и приводили в порядок свои шубки. Потом мы принесли охапку осиновых веток. Бобры

принялись уплывать их с таким аппетитом, что мне невольно тоже захотелось пожевать горькую, как хина, веточку.

Когда наши гости наконец насытились, мы постелили в ящик свежего сена и опять водворили их на прежнее место,

Дядя Никита взял бобрят к себе. Сначала поил их молоком из самодельной соски, а потом стал подкармливать молодыми веточками лозняка и осинника. Так бобрята прожили в домике у дяди Никиты лето, осень и зиму.

Следом за собакой, путаясь в траве, неуклюже ковыляли оба её спутника.

а сами пошли показывать дяде Никите наши речные уголья.

* * *

Дорогой дядя Никита рассказал нам историю своих питомцев. Он привёз их к нам из далёкого заповедника. Прошлым летом он как-то пошёл со своей собакой проверять по озёрам утиные выводки. Собака в поисках уток залезла в озеро и поплыла. И вдруг из соседних камышей вынырнули два зверька и пустились следом за собакой. Плыли они очень быстро и сразу догнали её. Пёс недовольно покосился на своих неожиданных спутников, но зверьки плыли следом, не отставая ни на шаг. Тогда он повернулся и поплыл к берегу. Зверьки тоже повернули за псом, будто привязанные к его хвосту. Так все трое и добрались до берега. Собака бросилась к хозяину, а следом за ней, неуклюже путаясь в траве, приковыляли и оба её спутника. Это были ещё совсем маленькие бобрята. Наверно, мать их погибла, и они приняли плывшую собаку за бобреху.

Весной дядя Никита решил выпустить бобрят в то озеро, откуда их принёс. Но тут пришло распоряжение из центра: отловить несколько бобров и отвезти для расселения в другой заповедник. Бобры дяди Никиты были совсем ручные, их легче и перевезти и устроить на новом месте. Но дядя Никита ни за что не хотел расстаться со своими воспитанниками. Тогда решили отправить бобрят к нам в заповедник вместе с дядей Никитой. Дядя Никита согласился: он любил новые места. Быстро собрал свои пожитки, посадил в ящик бобрят и прикатил к нам.

Мы показали дяде Никите речку, озёра, но больше всего ему понравился глухой лесной проток, заросший тростником. Местами проток расширился в небольшие глубокие плёсы, а местами бежал узким лесным ручейком. По берегам рос молодой осинник — любимое кушанье бобров.

— Вот здесь мы их и выпустим, — решил дядя Никита.

Тут же, на берегу протока, стояла избушка, в которой раньше жил лесник.

— Самое для меня подходящее место жительства,— заявил дядя Никита.— Лес кругом, и вода рядом, и бобки мои тут же поселятся. Отличное место!

На следующий день по лесной, дажно не еженной дороге мы привезли бобров к протоку и выпустили на берег. Зверьки огляделись и сразу же бросились в воду. С громким всплеском они исчезли под водой, потом вынырнули и поплыли друг за другом, громко шлёпая своими плоскими хвостами. Наконец бобры наплавались, ушли под берег и скрылись там среди камыша. А мы отправились в лесную избушку — помогать устроить дяде Никите.

Бобры отлично прижились на новом месте. К сожалению, днём их редко удавалось видеть. Большую часть дня зверьки отдыхали где-нибудь на берегу, в гущи ольховых зарослей. Зато с наступлением вечера они принимались за работу. Бобры вылезали на бережок, где рос молодой осинник, усаживались возле деревьев и, обхватив их передними лапами, начинали грызть. Деревья потолще они обгрызали вокруг, пока дерево не падало на землю, будто подрубленное топором. Острыми, как ножи, зубами отгрызали ветки от поваленных осин и, держа их во рту, тащили в воду и засовывали под берег в свою подводную мастерскую. Так работали бобры всю ночь до самого утра.

* * *

Однажды осенью к нам пришёл дядя Никита.

— Хотите посмотреть, что мои бобки вытворяют? — весело спросил он. — Приходите сегодня вечером, увидите.

В сумерки мы отправились к протоку. В том месте, где он суживался, из воды торчали свежие осиновые колья, а между ними были искусно заплетены ветки. Это бобры начали постройку своей плотины.

Мы уехали поодаль на берегу и притаились. Ждать пришлось недолго. Вскоре послышался лёгкий плеск воды, и из-за поворота показался бобр. Он тащил в зубах небольшое деревцо. Подплыл к плотине, бобр схватил зубами заострённый конец ствола и вместе с ним исчез под водой. Над водой торчком поднялся тонкий конец ствола. Он вздрагивал, как огромный поплавок, подпрыгивая, постепенно погружался в воду. Очевидно, бобр ста-

рался воткнуть кол поглубже в ил. Не меньше минуты трудился зверёк под водой, наконец вынырнул и начал зубами и передними лапами оплетать колья ветками. Потом он снова исчез под водой и вынырнул, держа во рту большой комок ила с корневищами водных растений. Искусный строитель ловко засунул этот комок в щель между ветками: он конопатил плотину. Вскоре к нашему бобру подплыл второй бобр, и они стали работать вместе, помогая друг другу.

Мы так увлеклись, наблюдая эту необыкновенную постройку, что и времени не замечали. Давно уже наступила ночь; полная луна голубым светом озарила лес и воду. Проток блестел, искрился, а ветки бобровой плотины, будто тёмные змеи, шевелились в струях воды. Возле плотины, то появляясь в лунном свете, то исчезающая в тени, хлопотливо плавали её забавные четвероногие строители.

Ночь мы провели в избушке дяди Никиты. Нам хотелось утром ещё раз взглянуть на сооружение бобров. Спать так и не ложились, просидели за самоваром до самого утра. Конечно, больше всего говорили о бобрах.

— Вот ведь что занятно,— сказал один из сотрудников. — Эти бобрята с самого раннего детства остались без матери и воспитывались в доме у человека. Они никогда и не видели, как старые бобры устраивают плотины, никто их этому не учил, а ведь вот строят, как и полагается всем бобрам.

Дядя Никита усмехнулся:

— А кто же учит птиц гнёзда вить? Или, скажем, паука паутину плести? Никто. Это у них уж от рождения такое искусство.

На утро, только выглянуло солнце, мы опять отправились к протоку. Вышла на берег — и ахнули. Перед нами вместо узкого ручейка разлился целый пруд. Вода вышла из берегов и затопила прибрежные кусты и деревья. Жёлтые и красные листья медленно кружились в воздухе, опускались на воду и плавали маленькими разноцветными лодочками. Этот новый пруд сдерживала устроенная за ночь бобрами крепкая, законопаченная илом и дёрном плотина.

Вскоре после сооружения плотины бобры принялись за постройку своей хатки. Посредине пруда небольшим островком возвышалась земляная кочка. Бобры сма-

стерили над ней из сучьев и веток шалаш. Крышу и стены своей хатки крепко закрепили илом. Бобровая хатка не имела ни окон, ни дверей. Вход в неё зверьки устроили под водой. Водоём, запруженный бобрами, был неглубок, но зверьки проделали на дне борозду-траншею, которая вела прямо к входу в их хатку. По этой водяной дорожке бобры подтаскивали осинового сучья и ветки: запасали себе корм на зиму.

В таких хлопотах прошла осень. Наступила зима. В начале зимы, пока не окреп лёд, бобры часто проламливали его, выходили на берег, «рубляли» деревья и затащивали ветки под лёд.

Но вот ударили настоящие декабрьские морозы.

Как-то, в погожее декабрьское утро, мы пришли на лыжах к бобровому водоёму. Было тихо и ясно. Голубые морозные искры сверкали на земле, на деревьях и в воздухе. Было как-то особенно, позимнему светло.

Мы вышли на открытую полянку. Посредине её возвышался большой снежный сугроб. Мы огляделись, сразу не узнавая места. «Да ведь это же вовсе не полянка, а занесённый снегом бобровый пруд, а сугроб посредине—бобровая хатка!» Мы подошли к сугробу и прислушались—тихо, ничего не слышно. Ни один звук не доносится из-под льда. Живы ли наши бобры и как они себя чувст-

вуют в своём тёмном подлёдном убежище?

— Давайте-ка прорубим во льду прорубь,—предложил кто-то.

Мы быстро сбегали в избушку дяди Никиты и вернулись с ломом и лопатами. Через четверть часа прорубь была уже готова. Мы прорубили её как раз над тем местом, где у бобров шла по дну подводная дорожка к их хатке. Склонившись к проруби, стали напряжённо всматриваться: не заметим ли в глубине хоть какие-нибудь признаки жизни наших бобров?

— Бобки, бобки! — позвал дядя Никита.

Мы опять прислушались—ни звука.

Вдруг вода в проруби всколыхнулась, и из неё показались две знакомых мордочки.

Бобры проворно вылезли на лёд. Мы на радостях принялись угощать их свеженарезанными ветками.

Наевшись, зверьки привели в порядок свои шубки и заковыляли обратно к проруби. Бултыхнулись в воду и исчезли. А мы всё стояли, глядя в дырку в тёмную прорубь. Там было попрежнему тихо. Лёгкая морозная плёнка уже начала затягивать прорубь, и на неё медленно падали крупные снежинки. Вечерело.

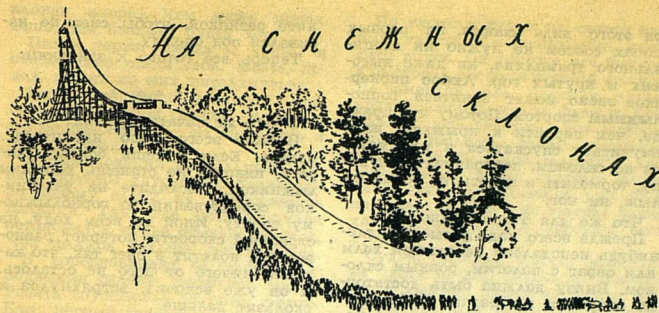
— Ну, прощайте, бобки, прощайте до весны!

Мы встали на лыжи и отправились домой.

НА СНЕЖНЫХ

СКЛОНАХ

Д. Алексеев

Рис. А. Брея

В Сибири, недалеко от Красноярска, на правом берегу Енисея, возвышается непонятное, на первый взгляд, сооружение. Лёгкая деревянная вышка поднимается на высоту многоэтажного дома. С одной стороны на вышку ведёт лестница, с другой — к ней примыкает эстакада, которая начинается от самого верха вышки и оканчивается небольшой площадкой над крутым обрывом высокого берега.

Это самый большой в СССР трамплин для прыжков на лыжах. Зимой, когда Енисей покрывается льдом, а на склонах берега плотной массой лежит тяжёлый снег, сюда съезжаются лыжники со всех краёв Советского Союза, чтобы соревноваться в смелых прыжках.

Прыжки на лыжах — один из самых увлекательных видов зимнего спорта. Они развивают решительность, хладнокровие и ловкость.

Взяв на плечи тяжёлые и прочные прыжковые лыжи, лыжник поднимается по лестнице на самую верхнюю площадку. Он находится теперь на высоте тридцатитрёхэтажного дома.

Толпа зрителей, собравшихся на льду Енисея, кажется ему сплошным чёрным пятном. Перед ним безграничное воздушное пространство.

В последний раз лыжник проводит ладонью по нижней поверхности своих лыж. Они натёрты мазью до зеркального блеска. Затем он ставит ноги в скобки крепления, туго застёгивает двойные стальные пружины и подходит к краю площадки.

Судья ударяет в гонг. Лыжник нагибается, делает несколько коротких шагов, и вот он уже скользит вниз по гладкому крутому спуску эстакады, покрытому укатанным снегом.

Он мчится всё быстрее и быстрее. Ветер свистит у него в ушах, морозный воздух обжигает лицо. Скорей, скорей! Лыжник приседает, собираясь в комок. Он несётся уже со скоростью 100 километров в час!

И вдруг дорожка обрывается. Дальше — воздух и далёкий лёд Енисея внизу.

В этот последний момент лыжник резко выпрямляется, как спущенная стальная пружина. Мгновение — и он уже летит над склоном берега, высоко над головами друзей, теснящихся под трамплином.

Человек летит, как птица, широко раскрыв руки. Огромная сила инерции несёт его по воздуху, словно живой планёр.

Лыжник проносится над склоном, описывая огромную дугу и постепенно опускаясь всё ниже и ниже. Вот его лыжи снова коснулись укатанного снега, и он уже мчится вниз по почти отвесному склону, чтобы там, внизу, на льду Енисея, лихо развернуться и затормозить, вздымая клубы снежной пыли...

Прыжок окончен. Судьи отмечают флажком то место, где лыжи впервые коснулись снега, чтобы измерить длину прыжка.

На большом красноярском трамплине можно делать прыжки до 75 метров длиной. Так рассчитали инженеры, спроектировавшие этот трамплин. Но один московский школьник, семнадцатилетний Костя Кудряшов, внёс поправку в их расчёт. В 1939 году он установил на этом трамплине всеююзный рекорд, пролетев по воздуху 82 метра!

Для того чтобы научиться владеть лыжами с таким же совершенством, с каким владеют ими масте-

ра этого вида спорта, на первых порах совсем не нужно ни специального трамплина, ни даже высоких и крутых гор. Любое пионерское звено может заняться горнолыжным спортом. Потому что прежде, чем перейти к прыжкам, надо научиться спускаться и подниматься по склонам, поворачивать на ходу, тормозить и падать, не ломая ни лыжи, ни ног.

Что же для этого нужно?

Прежде всего надо разыскать где-нибудь неподалеку небольшой холм или овраг с пологим, ровным склоном. Внизу должна быть достаточно открытая площадка, чтобы спускающийся не рисковал с хода налететь на изгородь или попасть в ручей.

Затем надо заняться лыжами и обувью.

Носы горных лыж должны быть круто загнуты вверх, чтобы они не зарывались в рыхлый снег.

Но самое важное — крепление. Для того чтобы бегать по горам, лыжи должны быть накрепко прикреплены к ногам и слушаться каждого поворота ступни, поворачиваясь вместе с ногой.

Наиболее распространены крепления системы Хауга или Кандахар. Но не смущайтесь, если вам не удастся их достать. Купите в аптеке кусок резиновой трубки, отрежьте два куска по 30 сантиметров и накрепко свяжите их концы так, чтобы получились два кольца. При помощи таких колец, пропустив их под носок и охватив ими ботинок повыше каблука, вы сможете довольно плотно укрепить на ноге лыжи, оборудованные одним носковым ремнем.

Не огорчайтесь, если у вас нет специальных горных сапог. Раздобудьте любые старые ботинки, чем грубее, тем лучше, номера на два больше ваших, чтобы в них поместились поверх обычных ещё толстые шерстяные носки. Сзади на каблук набейте кусочек кожи, чтобы не сползал вниз пяточный ремень или резина. Затем прогрейте ботинок над плитой и хорошенько смажьте их жиром, чтобы они стали непромокаемыми. Для смазки хорошо пользоваться таким составом: 100 граммов рыбьего или говяжьего жира и 20 граммов воска.

Брюки у шиколоток и концы рукавов завяжите тесемкой или затя-

ните резинкой, чтобы снег не набивался под одежду.

Теперь всё готово к занятиям.

* * *

С чего же начать занятия?

Прежде всего надо научиться... падать. Если будете бояться падать, никогда не станешь хорошим лыжником. Поглядите на участников соревнований по горнолыжному спорту. Иной на всём ходу, на страшной скорости, потеряет равновесие и полетит в снег так, что кажется ничего от него не осталось. А он уже вскочил, встряхнулся и скользит дальше.

Падать надо не назад и не вперёд, а на бок, на бедро, вытягивая руки вверх и прижимаясь всем телом к снегу. Тогда не ушибётесь на любом ходу.

Затем надо научиться подниматься на всякую гору, не снимая лыж.

Если склон не очень крутой, на него можно подниматься обычным шагом, но только сильно наклонившись вперёд и не скользя, а притопывая на каждом шагу, чтобы лыжи не покатались назад. Если склон становится круче, надо подниматься не прямо вверх, а наискосок, забираясь постепенно всё выше и выше.

Если гора крутая, то надо подниматься «лесенкой», ставя ноги под прямым углом и опираясь на внутреннее ребро лыжи.

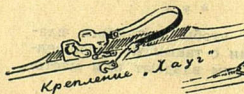
На самые крутые склоны или отвесные края насыпей поднимаются «лесенкой», встав к склону боком. Сперва переставь выше одну ногу, а затем, оперевшись на наружное ребро лыжи, приставь к ней вторую ногу.

Поворачиваться на месте легче всего «веером», перенося тяжесть тела на одну ногу и ставя другую под углом.

Теперь можно перейти к спуску с гор. Дело это очень несложное. Приучить себя сохранять равновесие на самом крутом спуске можно только тренировкой. Чем больше раз ты спустишься, тем увереннее будешь себя чувствовать на ходу.

Нужно только навсегда запомнить два правила.

Никогда не спускаться на прямых ногах. Ноги должны быть расставлены на ширину ступни и слегка согнуты в коленях, чтобы они пружинили, как рессоры, а корпус на-

клонён вперёд. Чем ниже присядешь, тем быстрее будет ход.

Палки держи всегда за концы и обязательно сзади себя, иначе, падая, можно на них натолкнуться.

Когда всё звено научится спускаться не падая, можно провести два соревнования — на дальность и на скорость.

В соревновании на дальность ребята должны спускаться поочередно по одному следу, не отталкиваясь палками. Там, где спускающийся остановился, судья втыкает флажок. Чей флажок дальше, тот выиграл.

В соревнованиях на скорость у подножия склона проводят черту. Ребята спускаются по-двое рядом. Кто первый пересечёт черту, тот выиграл свой заезд. Затем победители спускаются также по-двое. Таким образом, к последнему заезду остаются всего два участника, и победит тот из них, кто пересечёт черту первым.

Каждый лыжник должен уметь резко поворачиваться и останавливаться на полном ходу. Если вы мчитесь с горы и на вашем пути неожиданно окажется дерево, пень, яма или большой камень, вы должны уметь их объехать. Если внизу ваш путь преградит крутой обрыв или незамёрзший ручей, вы должны суметь сразу остановиться, как быстро бы вы ни мчались.

Тормозить лучше всего «плугом». Для этого надо на ходу поставить лыжи носками вместе, как можно шире разводя в стороны их задние концы. Лыжи должны опираться о снег всей плоскостью, а не ребром: тогда торможение будет плавным.

Если, спускаясь «плугом», перенесёшь всю тяжесть тела на правую ногу, то повернёшь влево, если на левую, — то вправо. Это один из самых простых поворотов на ходу.

Когда все ребята звена научатся поворотам, можно провести соревнование по слалому. Это норвежское слово обозначает «лыжня на склоне».

Для слаома нужно выбрать не очень крутой и достаточно широкий склон. По всему склону надо заранее расставить в разных местах флажки. Наверху надо отметить место старта, внизу — место финиша.

По сигналу судьи на старте первый участник соревнования начинает спуск. Он несётся всё быстрее и быстрее... На пути первый флажок. Не замедляя хода, лыжник делает крутой поворот, оглябая флажок. Ещё флажок, ещё поворот... Вот лыжник выхрем пролетел сквозь узенькие воротца из флажков, мелькнул зигзагом между тремя другими флажками, расставленными в ряд. Так, не замедляя хода и не задевая флажков, лыжник должен проехать весь путь.

Судья, стоящий внизу, замечает на часах начало спуска и момент, когда лыжник пересечёт линию финиша. Тот, кто спустится быстрее всех, окажется победителем.

Теперь можно перейти и к прыжкам. На первое время для этого годится и маленький самодельный трамплин. Снег на площадке отрыва надо утрамбовать как можно плотнее и по краю обрезать лопатой. В том месте, где лыжники будут приземляться после прыжка, хорошо подсыпать рыхлого снега, чтобы смягчить толчок в момент приземления. Спуск до трамплина для лучшего разгона надо утоптать лыжами.

Запомни несколько правил для прыжков.

Никогда не начинай прыжка, пока предыдущий товарищ не освободил дорожки.

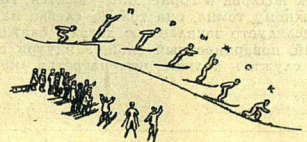
Прыгай только без палок.

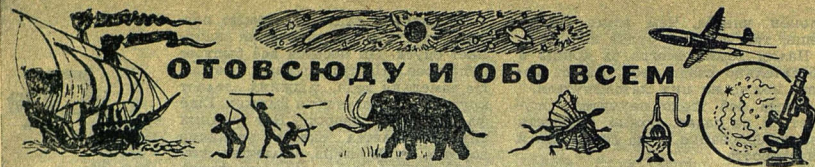
Пока набираешь скорость, присядь как можно ниже, а как только носки твоих лыж поровняются с краем площадки отрыва, резко выпрямись и сделай рывок всем телом вперёд и вверх.

В момент приземления выдвинь одну ногу немного вперёд и слегка присядь.

Не тормози, пока не уменьшится скорость.

На таком самодельном трамплине начал учиться прыжкам Костя Кудряшов, которому сегодня принадлежит всесоюзный рекорд. И кто знает: может быть, новый рекорд будет принадлежать тебе!

ЗДЕСЬ БУДЕТ НОВЫЙ ГОРОД

Советские геологи безустали исследуют, изучают нашу необъятную страну, открывают всё новые её богатства.

Совсем недавно были обнаружены в Красноярском крае, неподалеку от впадения Ангары в Енисей, огромные залежи железных руд высокого качества. Эта местность разведана ещё не полностью, но уже известно, что новые месторождения простираются на 17 километров в длину и руда залегает двумя пластами толщиной в 70 и 25—30 метров.

340 километров непроходимой, глухой тайги отделяют новое месторождение от Красноярска. Но жизнь уже бьёт здесь ключом. На самолётах, на лодках (пока не замёрзли реки), на вьючных лошадях сюда доставили оборудование, снаряжение, инструменты.

В тайге вырос палаточный городок. Население этого городка — геологи, разведчики, рабочие, прокладывающие через тайгу дорогу от Ангары до городка. Скоро здесь начнут работать буровые станки.

Пройдёт несколько лет — и эти дикие места преобразятся. Человек покорит тайгу. Отсюда к заводам Западной Сибири отправятся тяжёлые составы, гружёные высококачественной рудой.

«В Ч»-УСТАНОВКИ

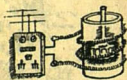
Вы включаете утром радио. «Внимание, говорит Москва!» — раздаётся из репродуктора знакомый голос. Вы привыкли к этому и не думаете о том, что радиопередача производится при помощи электрических колебаний высокой частоты.

Устройства, создающие эти колебания, называются генераторами высокой частоты. Ещё недавно эти генераторы служили только для радио, но в наше время они прочно завоевали место в самых разнообразных областях техники.

Многие детали машин, металлорежущих станков выходят из строя, если их рабочая поверхность сотрётся всего на несколько десятых миллиметра. Значит, поверхность деталей должна быть твёрдая. Этого можно добиться при помощи закалки. нагрев деталь до определённой температуры и быстро её охладив. Но если нагревать металл обычным способом, то прогревается и закаляется вся деталь, а это не всегда хорошо. Ведь при закалке металл становится не только твёрдым, но и хрупким, закалённая деталь хуже переносит толчки и удары, неизбежные при работе.

Вот тут и приходит на помощь высокочастотный нагрев. Внутри медного витка создаётся зона высокой частоты, и стальную деталь, предназначенную для нагрева, вводят в этот виток. И вот на глазах деталь начинает светиться — сначала тёмновинным светом, потом всё ярче, ярче.

Вот она светится, как подкова в горне. Вот, кажется, готова расплавиться, а внутри сталь попрежнему темна, она только слегка нагрелась. И когда вы быстро охладите и исследуете закалённую деталь, окажется, что закалке подверглась только тонкий, поверхностный слой, а внутри сталь не изменилась. Такая деталь будет служить дольше, чем нагретая «настоящим огнём».

С помощью высокочастотных установок можно сушить древесину, хлопок и другие материалы, но если при закалке стали нам важно было разогреть тонкий, поверхностный слой, то здесь, наоборот, нужно равномерно прогревать весь материал. И вот оказывается, что если ввести в поле высокой частоты вещество, плохо проводящее ток, — дерево или хлопок, — оно будет нагреваться быстро и равномерно по всему объёму.

Это только два случая применения высокочастотных установок; таких случаев множество в современной технике. В медицине и в военном деле, в передаче энергии без проводов и по проводам высокочастотные установки получают всё большее признание, и область их применения непрерывно растёт.

ОХОТНИКИ ЗА ШУМОМ

Шум вреден для людей и животных. Есть животные, которые совсем не могут жить в шумном помещении. И людей шум утомляет, мешает продуктивно работать.

Учёные, работающие в акустической лаборатории Физического института, — настоящие «охотники за шумом». Они исследуют школы, театры, заводы, большие жилые дома, шумные машины, устраивают ловушки для шумов.

Первое время вентиляторы московского метро так шумели, что беспокоили жителей соседних домов. Учёные-акустики помогли сделать «немые» вентиляторы.

В Большом зале Центрального дома Красной Армии в Москве голос оратора всегда сопровождало эхо. Учёные исследовали это явление, и оказалось, что виноват в появлении эха мраморный барьер. Задрапировали барьер бархатом — и эхо исчезло.

Акустики изучают материалы, поглощающие шумы. В Академии архитектуры есть так называемая «шумная комната». Комната эта двухэтажная. Большое отверстие в междуэтажном перекрытии прикрывают исследуемым материалом. Внизу начинает работать «топальная» машина, которая производит такой шум, какой могут производить беспокойные соседи: снизу доносится топанье ног, шум передвигаемой мебели и т. д., включаются радиоприёмники, — а во втором этаже приборы записывают, насколько этот материал ослабляет шумы.

Установлено, между прочим, что отличной звуковой изоляцией является воздух. Очень хорошо стены делать пустотелыми, потому что воздушная прослойка не пропускает шума.

В первую послевоенную пятилетку строителям предстоит огромная созидательная работа. И работа акустиков поможет им в создании новых городов, заводов и домов.

ФУТБОЛ НА МОТОЦИКЛАХ

Однажды на стадионе «Трудовые резервы» в Москве болельщики футбола увидели необычное зрелище. Все футболисты сидели верхом на мотоциклах.

Раздался свисток, судья подбросил вверх мяч немного больше футбольного. Затрещали моторы. Один из игроков ловко ударил с хода по мячу. Так начался первый показательный матч мотобола.

Мотоциклисты-футболисты гонят мяч ногами, головой, машиной, делают стремительные повороты, вертятся «волчком» на месте. Вратарь — тоже на мотоцикле — ревностно охраняет ворота. Надо быть превосходным мотоциклистом, с точным глазомером, мгновенным расчётом, чтобы участвовать в этой игре.

При Центральном автотоклубе созданы две мотобольных команды. На снимке вы видите тренировку мотобольщиков.

ДЛЯ СВОЕЙ ШКОЛЫ

Э. Юшкин

Шёл урок физики. Перед учителем на стойке с кронштейном висел маленький электромагнит. Полосу магнита держали притянутым к себе якорь с подвешенной к нему пятикилограммовой гири.

Мальчики с интересом смотрели на прибор, но Лев Степанович был в душе недоволен.

Очень маленький электромотор заставляет мчаться поезд, вес которого в сотни раз превосходит вес мотора. Подъёмный кран, снабжённый электромагнитом, притягивает и поднимает сотни килограммов железа. А вот приборчик, висящий перед глазами ребят, сделанный специально в качестве школьного пособия, очень слаб для своих размеров и веса. Он удерживает не больше пяти килограммов. Он не даёт ребятам ясного представления о той огромной силе, которой может обладать электромагнит — этот мускул современной промышленности и транспорта.

Конечно, Лев Степанович рассказал ребятам, что есть электромагниты намного сильнее. Но ведь одно дело — рассказать, а другое — показать.

В тот же вечер состоялось маленькое совещание. В кабинет физики пришла светловолосый подвижной Вадим Варинов, крупный, широкоплечий Игорь Меркулов, пришли семиклассники Игорь Кустов и Виктор Божович и несколько других членов школьного физического кружка.

Лев Степанович объяснил им, что ему не нравится этот электромагнит. Сидя вокруг учителя, ребята передавали из рук в руки и разглядывали «провинившийся» прибор.

- Ток мал, — сказал Игорь Кустов.
- А усилить ток — перегорит обмотка.
- А что если обмотку сменить?

Лев Степанович кивнул. Он сказал, что если правильно рассчитать обмотку и подвести к ней ток сильнее, то этот же магнит сможет притягивать тяжесть во много раз большею.

Уже на следующий день началась работа по созданию нового, усовершенствованного прибора. Лев Степанович сделал необходимый расчёт. Игорь Кустов раздобыл проволоку нужного сечения и потратил вечер на замену обмотки. После этого магнит перешёл в руки Вити Божовича. Тот, забравшись на переносную лестницу, прочно укрепил прибор под потолком, провёл к нему провода, установил рубильник.

Однажды утром уже другой класс впервыезнакомился с электромагнетизмом. Лев Степанович держал в руке якорь электромагнита — железный кружок сантиметровой пяти в диаметре. Но теперь к крючку якоря была подвешена не гиря, а... качели: лёгкая дощечка на тонких металлических тросах.

Лев Степанович включил ток и протянул руку с якорем вверх. Железный кружок вырвался из пальцев учителя и с резким щелчком прижался к магниту.

— Боря! — позвал Лев Степанович. — Садись!

Маленький веснушчатый парнишка подошёл к качелям и с опаской присел на дощечку, не стывая ног от пола.

— Не бойся. Подбери ноги.

Боря схватился руками за тросы и поджал ноги. Теперь он покачивался на качелях, которые держал маленький электромагнит, такой маленький, что пара подобных ему свободно умещается на ладони.

— Держит! — зашепестело над партами.

— Леонид! Садись теперь ты.

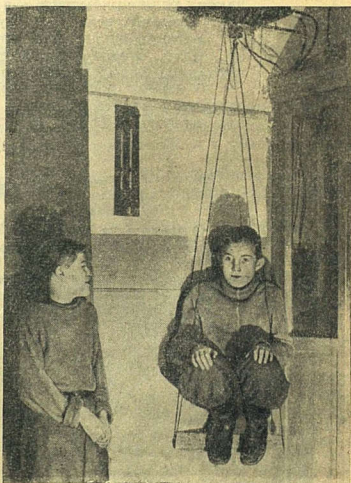
Самый крупный в классе мальчик сел на дощечку.

— Смотрите! Держит! — ахнул класс.

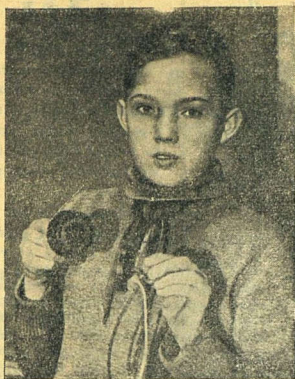
И вот уже сам Лев Степанович, высокий мужчина, покачивался, сидя на дощечке.

Теперь ребята воочию видели, что такое электромагнит.

Эта история привела в восторг всю школу, но никто здесь не удивился тому, что перестали делать магнит сами ученики: к подобным делам здесь привыкли.

Смотрите, какой сильный электромагнит...

...а вот какой он маленький!

Кружковцы Льва Степановича Дмитриева хорошо усвоили три простых истины:

Чем больше в школе наглядных пособий, тем интересней уроки, тем легче учиться.

При желании можно своими руками сделать для школы множество интересных пособий, приборов, моделей.

И когда эти вещи делаешь сам, ещё лучше усваиваешь предмет, приносишь пользу не только школе, но и себе.

Что такое параллельное соединение и что такое последовательное? Как распределяется ток в проводниках с различным сопротивлением при параллельном включении и последовательном? На этом вопросе ученики частенько зарабатывали тройки и даже двойки.

— Нужно сделать так, чтобы каждый из ребят мог, не сходя с места, самостоятельно производить опыты с параллельным и последовательным включением, — сказали кружковцы.

Решено было сделать тридцать специальных панелей с расположенными на них клеммами и патронами для ламп. Лампы, патроны, клеммы раздобыли. А вот с материалом для самых панелей дело оказалось хуже. Нужно было твердое прочное дерево или пластмасса. В те дни несколько десятков кружковцев лазили по дворам, чуланам, чердакам в поисках нужного материала. Выручил школьный источник:

— Есть у меня пластины от паркетного пола. Дубовые. Сгодятся?

Его чуть не расцеловали.

Из паркетин выпилили панели, покрыли их лаком. Когда лак высох, организовали сборочный конвейер. Несколько человек сади рядом вдоль длинного стола. Один сверлил отверстия в панельках, другой ввинчивал в них клеммы, третий укреплял патроны, четвертый вставлял в патроны лампы...

Скоро тридцать панелек были готовы. Больше полсотни интересных и подчас очень сложных приборов и наглядных пособий сделали для 588-й московской школы её ученики: ультракоротковолновый приёмник и передатчик, прибор для определения коэффициента объёмного расширения жидкостей и десятки других. А сколько отремонтировано старых приборов, трудно сосчитать.

Ребята сами делают не только те наглядные пособия, которые продаются в магазинах, но и конструируют такие пособия, каких до сих пор ни одна школа не видала.

Совсем недавно восьмиклассники Петя Альтштейн, Коля Николаев и шестиклассник Боря Жуков сделали аквариум, в котором передняя стенка прозрачная, а остальные непрозрачны. Среди водорослей лежит жестяной пароходик. На глазах у ребят «затонувшее судно» извлекается со дна морского точно такими же методами, как это делает ЭПРОН. Под корму и нос пароходика подвешены «тросы» — нитки, соединённые с четырьмя «понтонками» (прозрачными пустыми внутри баллончиками). Они, в свою очередь, соединены резиновой трубкой с воздушным насосом. «Понтонки» наполнены водой и лежат затопленные рядом с пароходиком. Но вот в них начинают накачивать воздух. Мы видим, как из них выдавливается вода. «Понтонки» постепенно поднимаются и тянут за собой пароходик.

Так увлекательно демонстрируется в действии применение закона Архимеда.

Жесть, кужки стекла и электрического провода, целлулоидная фотоплёнка, проволока, лак для ногтей или ацетон — вот всё, что используют эти мальчишки для своей работы.

Неужели вы, где бы вы ни жили, не сможете раздобыть такие материалы и смастерить такие приборы?!

Скоро тридцать панелек были готовы.

Ч Ъ Т И НЕ Ч Е Т

Однажды два математика задумались над таким вопросом: если бросать три игральных кости, насколько вероятен случай, когда все три кости покажут чёт или нечет?

Первый рассуждал так: результат будет один и тот же, если я буду бросать кости сразу или по очереди.

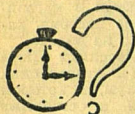
Бросаю первую кость — получается чёт или нечет, допустим, чёт. Бросаю вторую, вероятность того, что и она покажет чёт,—50%. Бросаю третью кость, и она покажет чёт либо нечет, вероятность — тоже 50%. Значит, в половине от половины случаев все кости лягут одинаково. Следовательно, вероятность чёта или нечета всех трёх костей — 25%.

Другой математик рассудил иначе: бросим все кости сразу. Две из них непременно покажут чёт или нечет, а третья в половине случаев—чёт, а в половине — нечет. Значит, вероятность — 50%.

Кто из них прав?

Сосчитай!

У меня есть часы с боем. Мне хочется узнать, сколько ударов за сутки отбивают часы, сколько раз стрелки на часах совпадают и в какое время точно это происходит. Помогите мне!

Чорт, купец и кузнец

Привёл купец в кузницу коня подковать. Стал торговаться с кузнецом. — Ладно, — говорит кузнец, — возьму с тебя совсем не дорого: за первый гвоздь возьму копейку, за второй — две, за третий — четыре, за четвёртый — восемь. И так за все гвозди.

Обрадовался купец, что дешёво сторговался. А как подсчитал (в подкове 10 гвоздей, в четырёх подковах — 40...), увидел — слишком дорого получается. У него столько и денег в кошельке нет. Так и ушёл он из кузницы ни с чем.

Идёт и рассуждает сам с собой: «Вот кабы деньги так росли, тогда бы я разбогател...»

Услышал это чорт и говорит: «Я тебе помогу разбогатеть. Давай так договоримся: перейдёшь один раз мост — денег в твоём кошельке станет вдвое больше, перейдёшь его ещё раз — деньги в кошельке удвоятся, перейдёшь в третий раз — ещё раз удвоятся. И будешь так ходить, пока не надоест. Только одно условие: каждый раз, как перейдёшь мост, платишь мне за совет 24 рубля».

Купец с радостью согласился. Ударили по рукам, купец отправился на мост. Перешёл мост один раз — видит: деньги в кошельке удвоились. Отдал чорту 24 рубля и заторопился обратно. Перешёл ещё раз — снова деньги удвоились. Рассчитался с чортом, пошёл в третий раз. Опять деньги удвоились. Рассчитался купец с чортом и видит — в кошельке-то пусто!

Подумайте и скажите, сколько просил кузнец за ковку коня и сколько денег было у купца в кошельке.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ленин. — Стихи З. Александровой. Рис. П. Баранова	II п. обл.
Учитесь у Ленина — Ал. Дорохов	1 стр.
Андриеш. — Поэма Емилиана Букова, Перевод с молдавского В. Державина. Рис. В. Таубера	5 ,
Огни на Днепре. — С. Фим. Фотографии А. Шевца	10 ,,
Про наши дела. — Повесть Ю. Сотника. Рис. Б. Винокурова	15 ,,

Мы слушаем радио. — Стихи А. Барто. Рис. А. Брея	23 ,,
Наша почта	24 ,,
Переселенцы. — Рассказ Г. Скребицкого. Рис. Г. Нисольского	29 ,,
По снежным склонам. — Д. Алексеев. Рис. А. Брея	33 ,,
Отовсюду и обо всем	36 ,,
Для своей школы. — Э. Юшкин	38 ,,
Задачи, загадки и головоломки	40 ,,
Страничка шахматиста	III п. обл.

На обложке: рисунок П. Кузьмичёва «Привал в лесу».

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 5/II—47 года.

Изд. № 112.

82×110. 1/16 бум. листа.

А—01393.

76 999 печ. ан. в печ. листе, 5 печ. л.

Тираж 37 500.

Заказ 3030.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СТРАНИЧКА ШАХМАТИСТА

Под редакцией мастера СССР по шахматам
В. А. Люблинского

Кто будет чемпионом мира?

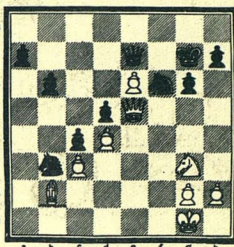
Шахматы — очень древняя игра. Несколько столетий назад происходили ожесточённые шахматные турниры между сильнейшими игроками. В 1887 году впервые были проведены состязания на звание чемпиона мира по шахматам. Первый получил это звание Вильгельм Стейниц (1887—1894), за ним Эмануил Ласкер (1894—1921), Хозе-Рауль Капабланка (1921—1927), Александр Алёхин (1927—1935 и 1937—1946) и Макс Эйве (1935—1937). В прошлом году умер последний чемпион мира гроссмейстер Алёхин. Этим летом состоится матч-турнир на мировое первенство. В турнире будет участвовать «шестёрка сильнейших» — советские шахматисты: Михаил Ботвинник, Павел Керес и Василий Смыслов; чемпионы США Сэмюэль Решевский и Ройн Файн и Макс Эйве (Голландия).

Наиболее вероятным победителем предстоящего матч-турнира является гроссмейстер Михаил Ботвинник, неоднократный чемпион СССР, победитель Гронингского международного турнира 1946 года.

Редкий природный талант Михаила Ботвинника сочетается с глубоким знанием теории шахматного искусства. Ботвинник одинаково сильно играет и в атаке и в защите, в дебюте и в эндшпиле. Он отлично разбирается в сложной маневренной игре и в бурных комбинационных осложнениях. На его партиях учатся и умудрённые опытом и знаниями мастера и юные, растущие шахматисты.

Ниже мы приводим окончание партии Ботвинник — Капабланка, игранной на амстердамском матч-турнире «восьми чемпионов» в 1938 году. В этой встрече советский гроссмейстер одержал блестящую победу над эксчемпионом мира.

Чёрные: Капабланка
Белые: Ботвинник

В этой позиции, создавшейся после 29-го хода чёрных, преимущество на стороне белых, имеющих грозную проходную пешку на e6. Ботвинник проводит эффектную, далеко рассчитанную

комбинацию, связанную с жертвой двух фигур. Последовало:
30. Сb2 — a3!! Фe7 : a3
Если 30. ... Фe8 31. Фc7 + Кpg8, то 32. Се7! и белые выигрывают.

31. Кg3 — h5+! g6 : h5
32. Фe5 — g5+ Кpg7 — f8
33. Фg5 : f6+ Крf8 — g8
34. e6 — e7!

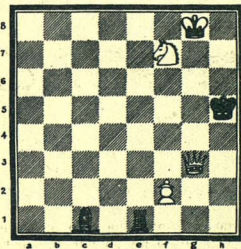
От угрозы превращения пешки в ферзя нет защиты. Чёрные пытаются сделать ничью вечным шахом, но безуспешно.

34. Фa3 — c1+
35. Кpg1 — f2 Фc1 — c2+
36. Крf2 — g3 Фc2 — d3+
37. Кpg3 — h4 Фd3 — e4+
38. Крh4 : h5 Фe4 — e2+
39. Крh5 — h4 Фe2 — e4+
40. g2 — g4 Фe4 — e1+
41. Крh4 — h5. Капабланка сдался.

ДВЕ МИНИАТЮРЫ

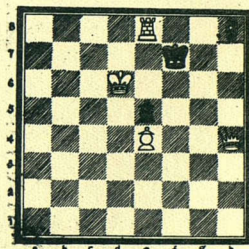
Многие шахматные композиторы (авторы задач и этюдов) составляют так называемые задачи-миниатюры. В этих задачах число фигур на доске не превышает семи.

Попробуйте решить две задачи-миниатюры. Одну из них составил советский композитор Георгала, вторую — известный мастер миниатюры американец Лойд.

Задача К. Георгала

Белые начинают и дают мат
в 3 хода.

Задача С. Лойда

Белые начинают и дают мат
в 2 хода.

ОТЫЩИ НА КАРТЕ

Если ты хорошо знаешь географию, то легко найдёшь на карте пункты, названия которых соответствуют этим рисункам. Напиши нам, что тебе известно об этих географических пунктах и где они находятся.